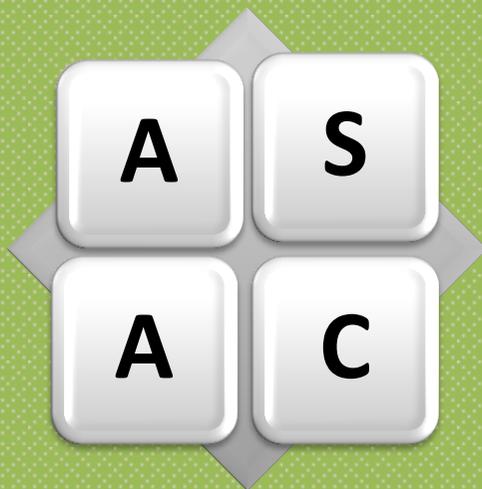

ТАВРИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

«III Американские студии»

**СБОРНИК ДОКЛАДОВ
международной научной конференции
22 декабря 2014 г.**

«III Американские студии»: Сборник докладов международной научной конференции (22 декабря 2014 г., г. Симферополь): научное интернет-издание / Сост. Д.В. Дорофеев. – Симферополь, 2014. – 95 с.

Сборник содержит тезисы докладов, прочитанных на заседании международной научной конференции «III Американские студии» (22 декабря 2014 г., г. Симферополь)

Материалы приведены в авторской обработке

Редакционная коллегия:

Щевелев С.С. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории ТНУ имени В.И. Вернадского
Дорофеев Д.В. – кандидат политических наук, доцент, кафедра новой и новейшей истории ТНУ имени В.И. Вернадского

Публикуется по решению кафедры новой и новейшей истории ТНУ имени В.И. Вернадского (Протокол № 5 от 29 декабря 2014 г.)

© Таврический национальный университет
имени В.И. Вернадского

СОДЕРЖАНИЕ

Циватий В.Г.

Професійна майстерність і кар'єра дипломатів США
в умовах нових викликів і загроз ххі століття:
історичні традиції, інституції, новації 5

Косов А.П.

Становление и развитие американской синологии
(XIX – п. п. XX в.) 20

Дорофеев Д.В.

Ратификация «Статей Конфедерации»:
внешнеполитическая проблематика
в легислатурах тринадцати штатов США
(1777-1781 гг.) 31

Болдырева О. М.

НАТО и ядерное величие Франции в 60-х гг. XX в. 36

Пашкевич О.

Инициатива по созданию зеленых рабочих мест
в США 51

Нестерова Е.И.

Формирование американской колонии
во Владивостоке в конце XIX века:
микроисторический анализ 60

Грубинко А.В.

Влияние американского фактора на участие
Великобритании во внешней политике и политике
безопасности ЕС: история и современность 70

Підберезних І. Є.

Регіональна політика США та
глобальні пріоритети Південно-Східної Азії

87

В.Г. Циватий

кандидат історичних наук, доцент кафедри дипломатичної та консульської служби, Заслужений працівник освіти України, Перший проректор з науково-педагогічної та навчальної роботи Дипломатичної академії України при МЗС України

ПРОФЕСІЙНА МАЙСТЕРНІСТЬ І КАР'ЄРА ДИПЛОМАТІВ США В УМОВАХ НОВИХ ВИКЛИКІВ І ЗАГРОЗ ХХІ СТОЛІТТЯ: ІСТОРИЧНІ ТРАДИЦІЇ, ІНСТИТУЦІЇ, НОВАЦІЇ

Глобальні зміни в суспільно-політичному житті США, що відбулися після горезвісних подій 11 вересня 2001 року, спонукали політичне керівництво США до пошуку нових шляхів забезпечення національної безпеки в сучасному світі та, відповідно – до кардинального перегляду історично-традиційних підходів до забезпечення кадрової політики у сфері зовнішніх зносин та національної безпеки і оборони, а саме: переходу від традиційної моделі до інноваційної моделі підготовки кадрів та ефективного кадрового менеджменту в дипломатичній службі та оборонній сфері США. Особливу увагу США в сучасних умовах приділяють новацийним підходам щодо порядку здійснення кадрової ротації в Держдепартаменті США і системи підвищення кваліфікації (професійної майстерності) дипломатів, як відповіді на нові виклики і загрози ХХІ століття.

Необхідність кардинальних змін у системі зовнішньополітичних інститутів та доцільність реформування дипломатичної служби США були усвідомлені американською політичною та академічною елітою ще в середині 1990-х років. Події 11 вересня 2001

року слугували каталізатором оновлення моделі підготовки та підвищення кваліфікації дипломатів і моделі кадрового менеджменту в зовнішньополітичній сфері США [5; 11, с. 226-233].

У XXI столітті особливий інтерес для держав пострадянського простору, у контексті використання практичного досвіду, являє саме досвід США з урахуванням тих реформ державної служби, що розпочалися й в Україні та інших державах пострадянського простору в умовах інтеграційних процесів та глобалізації. Адже США мають усталені історичні традиції кадрової політики, оперативно та адекватно реагують на нові виклики й загрози сучасного глобалізованого світу [8, с. 22-25].

Дипломатична служба Сполучених Штатів Америки – традиційно є відносно невеликою за своєю чисельністю, але одночасно найбільш компетентною, кваліфікованою та ефективною частиною зовнішньополітичного механізму Сполучених Штатів Америки. Історично так склалося, що Державний департамент США розташований на відстані кількох кварталів від Білого дому у Вашингтоні в будинку імені Гаррі Трумена. Державний секретар США є головою Державного департаменту США і безпосередньо підпорядковується президентові США. Держсекретар США організовує діяльність і керує департаментом та персоналом. Інституційне затвердження в 1980 році Закону «Про Закордонну службу США» визначило пріоритети цієї інституції. У Законі зазначено: «Конгрес вважає, що кар'єрна Закордонна служба, заснована на високому професіоналізмі, служить національним інтересам держави і необхідна для здійснення підтримки Президентові й Державному секретареві у веденні ними зовнішніх справ Сполучених Штатів».

У Держдепартаменті є свій власний навчальний центр – Інститут Закордонної служби США. Дипломати і дипломатичні службовці проходять підготовку та перепідготовку (підвищення кваліфікації, підвищення майстерності) в Інституті, або в університетах і науково-дослідницьких центрах, як правило, тричі впродовж своєї кар'єри. Підвищення кваліфікації дипломатичних кадрів передбачено Законом 1980 року, в якому зафіксоване так зване правило «три із п'ятнадцяти» згідно з яким кар'єрний дипломат із п'ятнадцяти років своєї роботи не менше трьох років повинен провести у США.

Дипломатична служба США та її інститути, у відповідь на нові виклики і загрози часу відповідно реформуються й інституціоналізуються. З метою своєчасної адаптації до нових умов, зокрема – умов екстремальних, відбувається удосконалення дипломатичного механізму США в контексті перспективних напрямів дипломатичних ініціатив. Теракти 11 вересня 2001 року вплинули на впровадження й посилення безпекової складової в підготовці відповідних дипломатичних кадрів [7, с. 11-16]. Обов'язковими стали спеціальні тренінгові курси щодо моделей поведінки дипломатів у кризових або надзвичайних ситуаціях. Для моделювання умов наближених до реалій у навчальному процесі використовуються спеціальні методики та відповідно – спеціальне технічне та мультимедійне обладнання, спеціальні технічні та імітаційні засоби навчання [1; 2; 12].

У відповідь на нові виклики і загрози ХХІ століття в Держдепартаменті США особливу увагу акцентували на новаціях щодо порядку здійснення кадрової ротації в Держдепартаменті США [4]. Служба в зовнішньополітичному відомстві США, Державному департаменті, передбачає проведення регулярної кадрової

ротації співробітників дипломатичної служби. Порядок проведення ротації регулюється рядом відомчих документів Держдепартаменту, передусім Інструкціями із зовнішньополітичної діяльності (Foreign Affairs Manual). Утім не поодинокі випадки, коли робляться виключення зі стандартного порядку ротації, якщо цього вимагає службова необхідність.

Термін перебування на посаді в апараті Держдепартаменту становить, як правило, два роки. Терміни перебування в закордонному відрядженні залежать як від посади співробітника, так і від країни, в якій цей співробітник працює в закордонній дипломатичній установі (ЗДУ). Стандартний термін перебування молодшого дипломата за кордоном становить два роки. Термін перебування дипломатів середньої та вищої ланок зазвичай становить три роки і більше в країнах з нормальними умовами праці, два роки в країнах з важкими умовами праці, з можливістю подовження відрядження за бажанням співробітника, і не більше одного року в країнах з небезпечними умовами праці. Терміни закордонних відряджень адміністративно-технічного персоналу залежать від контракту і становлять три-п'ять років. При визначенні ступеню умов праці враховується рівень безпеки в країні, кліматичні умови, особливості суспільства та традицій, наявність достатньої інфраструктури для навчання дітей, проведення відпочинку тощо.

Широко використовується так звана «горизонтальна» ротація. Так, після закінчення терміну закордонного відрядження співробітник може бути направлений на роботу в іншу закордонну дипломатичну установу, а не лише в центральний апарат Держдепартаменту. У будь-якому разі після закінчення закордонного відрядження співробітник повинен

повернутися до Вашингтона щонайменш на 20 робочих днів для одержання інструкцій.

Більш того, законодавство США і внутрішні інструкції Держдепартаменту не зобов'язують співробітників працювати в центральному апараті Держдепартаменту в принципі. Дипломат може постійно переходити на нові місця роботи в ЗДУ. Переважна більшість кадрових адміністративно-технічних співробітників Держдепартаменту (specialists) постійно працюють у ЗДУ, не повертаючись до Вашингтона для служби в центральному апараті.

Кадрова ротація зазвичай здійснюється в зимовий та літній періоди. При цьому переважна більшість переїздів припадає саме на літній період. Водночас, із цього правила багато виключень. Якщо цього вимагає ситуація, ротація співробітника може здійснюватись у будь-який час.

Оформленням ротації співробітників опікуються кадрові куратори. Молодшим дипломатам куратори пропонують закордонні відрядження в односторонньому порядку, і від цієї пропозиції небажано відмовлятися. Проте, за неофіційною інформацією, Держдепартамент намагається уникати примусових призначень, і пропозиції оформлюються офіційно вже після попередньої домовленості між співробітником та його куратором. Дипломати середньої та вищої ланок можуть самостійно обирати посади, на які вони хотіли б претендувати, і брати участь у відповідному конкурсі. Такі заявки подаються, як правило, за 12 місяців до планованого призначення. Протягом двох місяців приймається рішення щодо призначення. Якщо дипломат середньої та вищої ланок не пройшов конкурс на обрану посаду, куратор пропонує посаду з числа наявних.

Рішення щодо призначення приймається колегіальним органом в Держдепартаменті. До засідання

комісії та прийняття кадрового рішення документи співробітника-кандидата проходять багаторівневе узгодження з питань безпеки та професійної відповідності.

Таким чином, у переважній більшості випадків, співробітник знає про наступне місце роботи вже за десять місяців до фактичного переведення. Протягом цих 10 місяців співробітник, паралельно із виконанням поточної роботи, проходить відповідну мовну, культурологічну, політичну, безпекову підготовку в Інституті закордонної служби при Держдепартаменті США (Foreign Service Institute). У разі якщо співробітник знаходиться в ЗДУ, ця підготовка здійснюється дистанційно.

Для роботи у ЗДУ співробітник та його родина, що перебуватиме за кордоном, мають підтвердити належний стан здоров'я та наявність необхідного щеплення. Для цього можна скористатися послугами відомчого медичного закладу Держдепартаменту або звернутися до будь-якого лікаря на свій вибір. Медичний «кліренс» має декілька ступенів. Так, співробітнику може бути заборонено працювати лише в певних країнах чи регіонах.

Зазвичай під час роботи в ЗДУ зі співробітниками перебувають члени їх родин. Додаткових виплат за перебування членів родин не передбачається, проте на них розповсюджується медичне страхування, дружини та чоловіки співробітників мають переважне право працевлаштування в ЗДУ за тимчасовим контрактом, членам родин забезпечується безкоштовний квиток до США під час відпустки та покриваються витрати на навчання, при чому не тільки шкільне для дітей, але й додаткове для дорослих (наприклад, мовні курси). Якщо співробітник не перебуває в офіційному шлюбі, але має партнера, з яким спільно проживає, Держдепартамент у контексті ротації розглядає такого партнера як члена родини.

З початку 2007 року середня тривалість довготермінових відряджень американських дипломатів та адміністративно-технічних працівників становить від одного до трьох років, та обумовлюється рівнем стабільності внутрішньополітичної ситуації та кліматичними умовами країни призначення. Наприклад, термін відрядження до Японії становить три роки, до африканських країн – два роки, до Іраку та Афганістану – один рік.

До 2007 року тривалість закордонних відряджень становила від одного до чотирьох років але, враховуючи ситуацію зі збільшенням кількості країн з нестабільною політичною ситуацією, постало питання щодо прискорення процесу ротації, що призвело до скорочення цього терміну на один рік. Також на один рік скоротився максимальний термін роботи в центральному апараті Державного департаменту між довготерміновими закордонними відрядженнями, який на сьогодні становить п'ять років.

Перспективне планування ротації в Держдепартаменті США здійснюється на один рік. Як правило, остаточний план ротації на наступний рік затверджується в серпні поточного року. Такий механізм дає можливість пройти відповідну мовну та профільну (професійну) підготовку співробітникам, що направляються в довготермінове відрядження. Проофесіоналізм і висока фахова підготовка – головний лейтмотив моделі підготовки та підвищення кваліфікації дипломатів США до роботи на новому місці призначення. Головний акцент при цьому робиться на знанні країни перебування, особливостях її зовнішньої політики, дипломатії, економіки, релігії та інших національно-культурних цінностях. Також увага приділяється знанню і розумінню мови країни перебування.

Щодо питання чергування «складних» та «престижних» місць призначення, то воно врегульоване внутрішньою інструкцією Державного департаменту США, яка має назву «Правило справедливого розподілу» (Fair Share Rule). Відповідно до положень цього документа таке чергування є обов'язковим. Існують певні винятки для співробітників, що володіють специфічними мовами, які можуть бути направлені до тієї самої країни.

Слід також зазначити, що відповідно до проекту «Програма кар'єрного росту» (Career Development Program), запровадженого з 2005 року, при призначення на посади вищого дипломатичного складу (починаючи з радника) однією з умов висувається необхідність попереднього перебування в довготерміновому відрядженні в одній із так званих «складних» країн.

На цей час в Державному департаменті США існує ефективна система заохочень для співробітників, які відряджаються до країн з важкими кліматичними умовами та нестабільною внутрішньополітичною ситуацією, основою якої є суттєве матеріальне заохочення.

Структура заробітної платні співробітника американського посольства включає суму, аналогічну тій, яку він отримує під час роботи на цій же посаді у Вашингтоні плюс надбавку, яка формується відповідно до кліматичних умов та рівня стабільності внутрішньополітичної ситуації. Наприклад, для співробітника у Женеві це буде +0%, для співробітника в Мехіко +15% (екологічна ситуація), Африка +35%, максимальною є надбавка, яка сплачується в країнах, де на поточний момент відбуваюся бойові дії (найвища надбавка +70% – виплачується співробітникам посольства США в Іраку).

Механізм планування та здійснення ротації передбачає, що кожного року протягом червня-липня

Держдепартамент розповсюджує серед співробітників список вакантних посад для заповнення в наступному році. Співробітники, які бажають взяти участь у конкурсі (проводиться відповідно до «Правила справедливого розподілу» (Fair Share Rule), заповнюють необхідні документи, в яких вказують короткі відомості про себе та основні причини, чому саме вони мають обіймати запропоновану посаду. Зазначені заявки розглядаються відповідними підрозділами та керівництвом Державного департаменту.

Особливості механізму полягають, з однієї сторони, у транспарентності всього процесу ротації – оскільки інформація про всі наявні посади є доступною всім кандидатам на посаду в закордонній установі, а з іншої – у дії «Правила справедливого розподілу» (Fair Share Rule), положення якого хоча й систематично уточнюються, але мають в основі необхідність чергування «складних» та «престижних» місць.

Щодо впливу думки керівника закордонної установи на проведення ротації, то слід зазначити, що на середньому рівні і нижче, формування складу Посольства переважно здійснюється в Державному департаменті, точка зору Посла враховується під час формування так званої «команди», яка складається з керівників підрозділів. Зокрема, при призначенні заступників керівника місії Послу на розгляд подаються кандидатури п'яти претендентів на посаду, з яких він обирає кандидатуру.

Щодо імперативності плану ротації та заходів адміністративного впливу на співробітників у разі їх незгоди бути направленими у довготермінове відрядження, слід зазначити наступне.

Ураховуючи існування встановленого максимального терміну (який на сьогодні становить п'ять років) роботи у центральному апараті, у тому випадку,

якщо кандидатура співробітника не проходить конкурс на певну посаду, він може спробувати знайти аналогічну посаду в наступному році, або навіть через декілька років. Конкурс здійснюється відповідно до умов «Правил справедливого розподілу» (Fair Share Rule), положення якого передбачають, що в тому випадку, якщо протягом п'яти років співробітник не пройшов конкурс на жодну з посад його буде автоматично направлено в одну з країн на вибір керівництва. Це створює передумови для адекватного та реалістичного підходу під час вибору країни, в яку планує бути направлений співробітник. Але за інформацією співробітників Державного департаменту, за часів існування цієї системи (з 1980 року) випадків такого автоматичного направлення не зафіксовано.

Ураховуючи зазначене, можна дійти висновку, що існуючий метод проведення ротації в Сполучених Штатах є транспарентним механізмом, який забезпечує рівні та справедливі можливості всім співробітникам Державного департаменту щодо участі в конкурсі на заміщення посад у закордонних установах, за умови дотримання законодавства та внутрішніх інструкцій.

Слід зазначити, що існуючий в США механізм ротації безпосередньо пов'язаний із специфікою країни перебування, де для більшості дипломатів привабливішою є робота в Держдепартаменті, аніж за кордоном, а також із сучасною ситуацією у світі, яка вимагає забезпечення постійної присутності американських дипломатів у країнах з нестабільною внутрішньополітичною ситуацією [3; 6].

Система підвищення майстерності (кваліфікації) та модель ротації Держдепартаменту США увібрали в себе багатий історичний досвід американської дипломатії, довели на практиці свою функціональність і відповідність реаліям дипломатичної служби США і американського суспільства в цілому. Нормативна база, що регулює кадрові

питання Держдепартаменту, постійно удосконалюється і доповнюється новими нормами. Цілком закономірно, що зазначена практика і досвід підготовки дипломатичних кадрів США, принаймні окремі елементи з їх досвіду, які впродовж багатьох років довели свою дієвість і ефективність, могли б успішно бути впроваджені й в українській практиці підготовки та підвищення кваліфікації працівників дипломатичної служби [9, с. 117-121; 10].

Таким чином, кажучи про фах дипломата і перспективи розвитку дипломатичної освіти, ми неминуче доходимо висновку щодо нагальної потреби удосконалення існуючих інституціональних моделей підготовки та підвищення кваліфікації дипломатів. Високий професіоналізм дипломата в сучасному світі – найважливіша умова реалізації національних інтересів держави.

Отже, підводячи підсумки вищевикладеного, можна зробити висновок про те, що у XXI столітті особливий інтерес для держав світу являє саме досвід США, які мають усталені традиції та оперативно та адекватно реагують на нові виклики і загрози глобалізованого світу. А тому система підготовки та підвищення кваліфікації дипломатичних кадрів в Україні для сфери зовнішніх зносин має зазнати інституціональної, структурної та змістовної трансформації, і першочергово – має бути впроваджена оновлена модель навчання дипломатів – дипломатів XXI століття, з урахуванням традиційних та інноваційних методів і засобів удосконалення організації дипломатичних служб провідних держав світу.

На виконання першочергових завдань щодо реформування дипломатичної служби України, варто врахувати наступне з досвіду США:

1. Розробити науково обґрунтовані базові засади глобальної реструктуризації закордонного та внутрішнього апарату та її бачення для майбутнього МЗС України, зокрема – основні засади реформування.

2. Кожен дипломат має знати місце роботи після ротації та готуватися до нього через систему підготовки та підвищення кваліфікації працівників дипломатичної служби в Дипломатичній академії України при МЗС України (удосконалювати знання мови країни майбутнього перебування; поглиблювати знання з історії та практики дипломатії, регіоналістики, країнознавства, політики та економіки відповідної галузі).

3. У питанні планування кар'єри важливо перейти на одно-дво-трирічні плани та запровадити середньотермінове планування кар'єри на конкурсних засадах.

4. Професійні дипломати повинні мати юридично гарантовані перспективи кар'єрного зростання.

5. Дипломати мають обов'язково регулярно відвідувати країни та регіони, за які відповідають, а тим самим безпосередньо використовувати свої аналітичні здібності та досвід за кордоном більш ефективно.

6. Необхідно здійснити централізацію інформаційних технологій (ІТ) і комунікацій, задля гарантування рівного, чіткого та надійного розповсюдження інформації. Мета зазначеного полягає в тому, щоб надати українським дипломатам швидкий доступ до знань та інформації в реальному часі, які вони потребують на своїх робочих місцях або в подорожі.

7. Необхідно впровадити в ДАУ при МЗС України спеціальний тренінг для дипломатів: «Нові навички у вирішенні нових викликів». Оскільки, щоб зустріти виклики трансформаційної дипломатії необхідно реалізувати константу, що дипломати повинні бути

різносторонніми, активними, освіченими та мати змогу виконати складні завдання. Трансформаційна дипломатія вимагає, щоб у правильних людей були правильні навички в правильному місці в потрібний час. Тривале навчання (система підвищення кваліфікації) й програми розвитку кар'єри краще підготують дипломатів і розвинуть їх аналітичні навички.

8. Необхідно оновити навчальні програми і навчальні плани Дипломатичної академії України при МЗС України з метою перефокусування від централізованого внутрішнього центра до закордонних посад і до кожного робочого місця, використовуючи технологію, задля тривалого дистанційного навчання. Локальне навчання та вивчення мови шляхом занурення в подальшому врівноважить досвід аудиторної роботи і більша частина курсу буде пройдена безпосередньо дипломатами за кордоном.

9. Необхідно запровадити постійно діючу систему тестування дипломатів для кореляції рівня їх підготовки та професійної майстерності через систему підвищення кваліфікації в Дипломатичній академії України при МЗС України.

10. З метою кар'єрного зростання і відповідного просування на вищі посади дипломати повинні мати можливість на систематичній основі проходити підвищення кваліфікації та бути експертами принаймні по двох регіонах та володіти не менш, як двома мовами.

11. Дипломати повинні мати відповідну фахову підготовку та змогу ефективно працювати на критичних перетинаннях дипломатичних справ, економічних реконструкцій та воєнних операцій.

Модель підготовки та підвищення професійної майстерності дипломатичних кадрів США підтвердила свої історичні традиції та багаторічну дієвість і постійно

оновлюється у відповідь на нові виклики й загрози глобалізованого світу ХХІ століття.

Список використаних джерел

1. Бабуркин С.А. Контрразведка США на рубеже веков (1991-2012 гг.) / С.А. Бабуркин. – М.: Ленанд, 2014. – 240с.
2. Дундуков М.Ю. Разведка в государственном механизме США / М.Ю. Дундуков. – М.: Кучково поле, 2008. – 448с.
3. Роговский Е.А. США. Информационное общество. Экономика и политика / Е.А. Роговский. – М.: Международные отношения, 2008. – 408с.
4. Сайт Державного Департаменту США [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://careers.state.gov/officer/index.html> – Назва з екрану. – 09.12.2014.
5. Сушенцов А.А. Малые войны США. Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000-2010-х годах / А. А. Сушенцов. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 272с.
6. Федорович В.А., Муравник В.Б., Бочкарев О.И. США. Военная экономика / В.А. Федорович, О.И. Муравник, О.И. Бочкарев. – М.: Международные отношения, 2013. – 616с.
7. Цветков И.А. Дипломатическая служба США после 11 сентября / И.А. Цветков // Современные США: тенденции внутренней и внешней политики. – СПб., 2004. – С. 11-16.
8. Ціватий В.Г. Пріоритети та принципи кадрового забезпечення дипломатичної служби США: досвід для України / В.Г. Ціватий // Зовнішні справи. – 2013. – № 01. – С. 22-25.
9. Ціватий В.Г. Сучасна дипломатична служба США: традиції, інновації та інституції // В.Г. Ціватий // Сполучені Штати Америки у сучасному світі: політика, економіка,

право: Зб. матеріалів Міжнародної науково-практичної конференції. – Львів: DPI, 2014. – С. 117-121.

10. Pigman G. A. Contemporary Diplomacy / G.A. Pigman. – Washington, 2010. – 288p.

11. Preventiv Diplomacy. – Taylor&Francis, 2005. – 352p.

12. Reshaping Defence Diplomacy. – Taylor&Francis, 2005. – 84p.

А.П. Косов

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
АМЕРИКАНСКОЙ СИНОЛОГИИ
(XIX – п. п. XX в.)**

Американская синология, занимающая сегодня ведущие позиции в мировом китаеведении, сложилась несколько позже, нежели в странах Европы. В настоящий момент она представляет собой целый комплекс направлений, которые занимаются изучением различных аспектов прошлого и настоящего Китая: от древней китайской истории, культуры и религии до современных политических, социальных, экономических и культурных проблем этой страны. При этом синология самым непосредственным образом связана с тихоокеанской политикой Вашингтона [1, с. 8 – 9].

В своем развитии она прошла несколько этапов. Целенаправленные исследования по Китаю начались в Америке только в середине XIX в. Их основы заложили американские купцы и миссионеры. Стремление к изучению Поднебесной империи в США было вызвано различными причинами. Одни руководствовались своекорыстными интересами наживы, другие – альтруистическими интересами к этой стране как к представителю иной культуры и цивилизации.

На первом этапе американская синология носила преимущественно миссионерский характер. Именно миссионеры в XIX в. являлись в США главными знатоками

Китая. Правда, в первую очередь, их интересовали вопросы вероучения и практического изучения религии и этнографии. Приезжая в Китай с целью обращения местных жителей в христианство, американские миссионеры начинали изучать китайский язык и культуру в стремлении как можно глубже проникнуть в жизнь китайского общества. По сути их деятельность стала прологом к появлению американской синологии [1, с. 13].

Однако определенные предпосылки к изучению Поднебесной империи у американцев имелись. Существуют данные, что определенный интерес к Китаю проявляли просвещенные круги Америки еще до образования США. В частности, называют «отцов-основателей» Соединенных Штатов Б. Франклина и Т. Джефферсона, которые интересовались государственным устройством Поднебесной империи [2, р. 62].

Среди наиболее выдающихся представителей американской миссионерской синологии можно назвать Э.К. Бриджмэна, появившегося в Гуанчжоу в 1829 г. по поручению Американского совета представителей для зарубежных миссий из Бостона. В Китае он проявил себя в различных областях. Э.К. Бриджмэн стремился как можно ближе познакомить местное население с американскими ценностями. В частности, перевел на китайский язык Новый завет, создал словарь китайского языка, служил переводчиком и секретарем американского посланника К. Кушинга, участвовал в подписании американо-китайского договора в Ванся в 1844 г. и в подготовке Тяньцзиньского договора 1858 г. Однако главным достижением Э.К. Бриджмэна стало создание и издание в 1832 – 1851 гг. ежемесячного журнала «Чайниз репозитори» («Chinese Repository»), посвященного событиям в Китае тех лет [3, с. 247].

Другим пионером в области синологии был профессор С.У. Уильямс, прибывший в Китай в 1833 г. и проживший в этой стране более сорока лет. Он принимал участие в заключении Тяньцзиньского договора 1858 г., был секретарем, а затем главой американской миссии в Пекине, издал словарь китайского языка. В 1848 – 1851 гг. С.У. Уильямс возглавлял журнал «Чайниз репозитори». По возвращении на родину миссионер включился в преподавательскую работу [4, р. III – IV]. За годы своей деятельности С.У. Уильямс опубликовал ряд важных для становления нового направления работ, посвященных Китаю и китайскому языку, в том числе и первое научное исследование в американской синологии – «Срединное государство» [1, с. 13].

Третьим «отцом-основателем» американской миссионерской синологии следует назвать П. Паркера, приплывшего в Гуанчжоу в 1834 г. и основавшего в 1835 г. глазную больницу. В 1838 г. вместе с Э.К. Бриджмэном он основал Медицинское миссионерское общество. Впоследствии там стали обучать китайских студентов и переводить учебники. Кроме того, Общество открыло еще четыре больницы в Амое, Нинбо, Гонконге и Шанхае [3, с. 248]. Позже П. Паркер некоторое время был временным поверенным в делах США в Китае [5, с. 15]. Он стал первым американским дипломатом, владевшим китайским языком [6, р. 279].

К числу первых американских сиологов можно отнести и миссионера У. Мартина, который долгие годы работал в Китае переводчиком и преподавателем. Он был непосредственным очевидцем описываемых в своих работах событий. У. Мартин идеализировал внешнюю политику США в Цинской империи, хотя основное внимание уделял внутренним проблемам этой страны [7].

Заметный вклад в американское восприятие Китая и китайцев внес У.В. Рокхилл. По следам своего пребывания в этой стране он написал книгу «Земля лам», на долгие годы заложив рамки интеллектуального осмысления Китая [8, с. 7].

В целом, на протяжении XIX в. в Америке смотрели на Китай глазами миссионеров. Именно их работы служили путеводной звездой для деятельности Вашингтона в Цинской империи [6, р. 558].

Второй этап американской синологии был связан со становлением академического направления. В принципе, академическая синология в США зарождается также в XIX в. И здесь весомую роль тоже сыграли американские миссионеры. Их работа по составлению словарей, учебников, этнографических трактатов и проч. стала своеобразной подготовкой для перехода к планомерному научному изучению Китая в Америке. Уже в 1842 г. в Йельском университете возникло первое Американское востоковедческое общество, начавшее исследовательскую и издательскую деятельность, в том числе в области изучения Китая [3, с. 249].

В 1877 г. в Йельском университете при участии профессора С.У. Уильямса была открыта первая кафедра китайского языка [4, р. 397]. Основная цель ее создания заключалась в подготовке кадров для миссионерской деятельности в Восточной Азии. Именно из выпускников Йеля в 1901 г. было сформировано миссионерское общество, начавшее медицинскую, просветительскую и воспитательную работу в Китае [3, с. 249].

Несколько позже синологические центры возникли в Колумбийском и Гарвардском университетах. В Нью-Йорке синология появилась в 1901 г. [3, с. 250]. Однако своих высококвалифицированных кадров в Соединенных Штатах еще не хватало. Ведущими специалистами по-

прежнему являлись люди, длительное время прожившие в Китае в связи с миссионерской или коммерческой деятельностью. Однако специалистов в достаточной степени владевших китайским языком не хватало. Поэтому по возможности приглашались иностранцы. Так, в 1902 г. на открывшуюся кафедру китайского языка и литературы Колумбийского университета был приглашен немецкий синолог Ф. Хирт, внесший весомый вклад в развитие американской синологии. В п. п. XX в. в разное время к работе в синологических центрах привлекались и другие специалисты из Европы – Б. Лауфер, А. Форке, С.Г. Елисеев, Дж. Фрайер и др. [3, с. 258].

В это время развитие американской синологии характеризуется практико-прикладной направленностью изучения Китая. Как правило, средства на создание кафедр китаеведения предоставляли американские бизнес-круги, заинтересованные в расширении торговли с Цинской империей. Однако их работа сильно зависела от конъюнктурных факторов: прихода и ухода специалистов и интереса попечительских советов [1, с. 14, 21].

С конца XIX в. изучение китайского языка, а также истории и культуры Китая начало осуществляться и в других университетах США – Корнуэльском, Мичиганском, Индианском, а также Университет штата Вашингтон. Крупными центрами американской синологии в п.п. XX в. стали Калифорнийский, Стэнфордский, Чикагский и Гавайский университеты.

Так, в Калифорнийском университете, который, по сути, включает в себя девять практически независимых университетов, синологические исследования стали проводится в нескольких подразделениях – на Отделении восточных языков Беркли, Отделении восточных языков Лос-Анджелеса и др. [3, с. 252].

В Чикагском университете в 1915 г. было создано Отделение восточных языков и культур, где стали проводиться исследования в области истории, лингвистики, литературы, философии и археологии Китая [3, с. 253].

В 1919 г. в Стэнфорде был образован Институт Гувера по вопросам войны, революции и мира, где начались синологические исследования [3, с. 253].

В 1920-е гг. появилась Программа изучения Дальнего Востока в Гавайском университете. В 1930 г. здесь появилось также Востоковедческое литературное общество [3, с. 254].

Еще одним синологическим центром в Америке стал Дартмут-колледж, в котором преподавание китайского языка, истории и литературы началось в 1921 г., а расширенная программа по китайской цивилизации появилась в 1942 г. [3, с. 250].

Начиная с 1920-х гг. оказывать влияние на развитие американской синологии стали китайцы, получившие образование в университетах США [1, с. 22]. В это время в США, наконец, появляются специализированные научные центры. Так, в 1925 г. по инициативе гавайского отделения влиятельной пацифистской организации – Христианской ассоциации молодых людей – был создан Институт тихоокеанских отношений, сыгравший важную роль в привлечении внимания американской общественности к китайской проблематике. Однако упор по-прежнему делался на поддержание благотворительных учреждений, религиозных миссий, больниц и учебных заведений. Именно с их помощью политические круги США получали разнообразную информацию о текущей ситуации в Китае [1, с. 22 – 23].

Основное развитие американской синологии в этот период пришлось на 1930-е – 1940-е гг. В это время

значительно усилилось внимание политико-академических кругов и общественности США к событиям, разворачивающимся в АТР. Соответственно увеличилось количество публикаций, посвященных Китаю, проявился большой интерес к изучению китайского языка, истории, политики и культуры. Так, Гарвардским университетом в 1928 г. по решению попечительского совета Фонда Ч. Холла был создан Гарвард-Яньцзиньский институт, где развернулась не только учебная, но и активная исследовательская и издательская деятельность. В 1937 г. в Гарварде открылось Отделение языков Дальнего Востока в целях преподавания китайского, корейского и японского языков. Несколько позже, в 1956 г., появился Восточноазиатский исследовательский центр Гарвардского университета, в котором начинается изучение истории, международных отношений и проблем современности [3, с. 248].

В 1936 г. в Мичиганском университете было открыто Отделение языков и литератур Дальнего Востока [3, с. 254].

В целом, до 1940-х гг. синологические исследования практически полностью были сосредоточены в американских университетах, и, в основном, были посвящены изучению языка, истории, религии и культуре.

В это время ведущие позиции в области синологии играли Гарвард-Яньцзиньский институт, Институт тихоокеанских отношений, созданный в 1925 г. и Ассоциация изучения Азии [3, с. 258].

Мощнейшим фактором, повлиявшим на изучение Китая, стала Вторая мировая война. В военные годы государственные учреждения США стали привлекать в качестве аналитиков академическую профессуру. Например, в годы войны в рядах американской разведки оказались практически все видные специалисты-синологи.

Правительство стало стимулировать создание высших учебных заведений – Военный институт иностранных языков, Школа иностранных языков ВМС и др., а также публикацию синологических исследований и т.д.

После Второй мировой войны изучение Китая активизировалось. В первую очередь это было вызвано повышением роли и места данной страны в мире и во внешней политике США. Американская синология сделала значительный шаг вперед. Помимо «старых» центров появились и многие новые. Так, продолжилось изучение Китая и в Йельском университете. В 1945 г. здесь открылись Центр изучения языков и стран Восточной Азии и Отделение языков и литератур Индии и Дальнего Востока [3, с. 249].

В 1946 г. при Стэнфордском университете был создан Стэнфордский исследовательский институт, занимающийся и классическими темами, и вопросами естественных, социальных, инженерных и экономических наук, в том числе имеющих отношение и к Китаю [3, с. 252].

В 1946 г. Отделение востоковедения Университета штата Вашингтон было преобразовано в Отделение языков и литератур Дальнего Востока и славянских стран [3, с. 255].

В 1949 г. в Колумбийском университете открылся Институт Восточной Азии [3, с. 250]. А годом ранее, в апреле 1948 г., на средства Фонда Рокфеллера в Колумбийском университете прошла учредительная конференция Ассоциации специалистов по Дальнему Востоку, в которой приняло участие более 100 синологов [1, с. 26].

В 1930-е – 1940-е гг. оформились и основные направления в американской синологии – консервативное, либеральное и радикальное. Как правило, взгляды

исследователей формировались под воздействием имевшихся стереотипов и традиций.

Существенную роль в развитии американской синологии сыграли разнообразные организации и учреждения: комитеты, фонды, советы, ассоциации и т.п. Среди наиболее известных следует назвать Фонд Карнеги, Фонд Рокфеллера, Фонд Форда, Библиотеку Конгресса, Совет по исследованию социальных наук, Американский совет по изучению обществ, при котором в 1928 г. возник Комитет содействия развитию синологии и др. [3, с. 257 – 258]. Наиболее активно финансировали синологические исследования фонды Форда, Карнеги, Рокфеллера, Меллона, Г. Люса и др. [1, с. 70 – 71]. Так, в 1920 г. Фонд Рокфеллера стал финансировать китайских ученых и студентов, учредив 600 стипендий [1, с. 21].

В 1930-е – 1940-е гг. в американской синологии появился ряд журналов. В частности, «Гарвардский журнал азиатских исследований» (1936), «Заметки дальневосточных исследований в Америке» (1937), «Амерэйша» (1938), «Журнал азиатских исследований» (1941) и др. [3, с. 258].

В начале 1940-х гг. была создана Дальневосточная ассоциация, которая стала издавать специализированный журнал «Фар Истерн Квотерли», вскоре фактически полностью перешедший в ведение Комитета содействия развитию синологии [1, с. 24].

В это время в США выросло количество популярных и научных публикаций, посвященных ситуации в АТР в целом, и в Китае в частности. Причем, если раньше научное сообщество и общественность Америки больше привлекали исторические сюжеты о далеком прошлом Поднебесной империи, ее культуре и религии, то теперь на первый план стали выходить актуальные проблемы современного развития Китая и

международных отношений. Естественно, увеличилось и число американцев, желающих приобрести соответствующие специальности [3, с. 259].

Таким образом, на XIX – п. п. XX в. пришлось первые два этапа в развитии американской синологии. В XIX в. в США появились первые исследователи-синологи и кафедры изучения китайского языка в университетах, созданные по частной инициативе американских миссионеров и торговцев. Постепенно на основе миссионерской синологии стало складываться академическое китаеведение. Однако количество научных работ, посвященных Китаю, в это время было немногочисленным. В первую очередь, в них подавался фактологический материал об истории и современном состоянии китайского государства и общества без серьезного анализа и обобщений.

В п. п. XX в. американская синология сделала в своем развитии заметный шаг вперед. В это время расширилось количество синологических центров и специалистов. Заметную роль в ее финансировании сыграли разнообразные организации и учреждения. К тому же, стало заметно шире проблемное поле исследований, что сказалось на количестве и качестве работ, посвященных Китаю.

Список использованных источников

1. Алексеев, И.А. Американские китаеведы об экономике и политике Китая сегодня и завтра / И.А. Алексеев, А.А. Нагорный, А.Б. Парканский. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. – 302 с.
2. Goodrich, L.K. Chinese Studies in the United States / L.K. Goodrich // The Chinese Social and Political Science Review. – 1931. – № 1. – P. 62 – 77.

3. Историография истории Древнего Востока: Иран, Средняя Азия, Индия, Китай / под ред. проф. В.И. Кузищина. – СПб.: Алетейя, 2002. – 303 с.
4. Williams, F.W. The Life and Letters of Samuel Wells Williams, Missionary, Diplomatist, Sinologue / F.W. Williams. – N.Y. – L.: G.P. Putnam's sons, 1889. – VI+490 p.
5. Анисимов, А.Л. Американская «дипломатия канонерок» в Китае (первая половина XIX века) / А.Л. Анисимов // Россия и АТР. – 2007. – № 3. – С. 11 – 16.
6. Dennett, T. American in Eastern Asia: A Critical Study of the Policy of the United States of America with References to China, Japan and Korea in the 19th Century / T. Dennett. – N.Y.: Barnes & Noble, 1941. – XVI+725 p.
7. Martin, W.A.P. A Cycle of Cathay or China, South and North with Personal Reminiscences / W.A.P. Martin. – London: Oliphant Anderson & Ferrier, 1896. – 464 p.
8. Дэвис, Д.Э. Кривые зеркала. США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке / Д.Э. Дэвис, Ю.П. Трани. – М.: Вагриус, 2009. – 912 с.

Д.В. Дорофеев

кандидат политических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Таврического национального университета имени В. И. Вернадского

РАТИФИКАЦИЯ «СТАТЕЙ КОНФЕДЕРАЦИИ»: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ЛЕГИСЛАТУРАХ ТРИНАДЦАТИ ШТАТОВ США (1777-1781 ГГ.)

Процесс ратификации текста «Статей Конфедерации» прошел длительный период: с 17 ноября 1777 г., когда было направлено обращение Континентального Конгресса в легислатуры штатов, до 12 февраля 1781 г. – даты, когда Даниэль Кэрролл, делегат от Мериленда, представил официальный акт о ратификации документа в штате и поставил подпись *. Рассмотрение документа и принятие по нему решений на локальном уровне содержали в себе отображение дискуссии между делегатами Континентального Конгресса. Содержание ряда статей – Ст. 6, 9, 11 – связанных с формированием и реализацией внешней политики были в центре критических высказываний в легислатурах тринадцати штатах.

Источники позволяют проследить обсуждение внешнеполитической тематики только в 8 из 13 штатов (61%). Сложностью на пути проведения исследования заключается в состоянии источниковой базы, характеризующейся фрагментарностью и лаконичностью информации в официальных документах, что не позволяет выделить взгляды и проследить логику дискуссии по ратификации, в целом, и внешнеполитической тематике, в

* 1 марта 1781 г. официально вступили в силу «Статьи Конфедерации».

частности. Тем не менее, существующие данные позволяют восстановить историческую реальность обсуждения.

На основе анализа прений и решений штаты были систематизированы в три группы. В первую – были отнесены пять штатов (38%) – Виргиния, Нью-Хэмпшир, Пенсильвания, Род-Айленд, Северная Каролина – по которым информация отсутствует, за исключением того факта, что делегаты от этих штатов не вносили поправки. Во вторую группу были включены пять штатов (38%) – Делавэр, Джорджия, Нью-Джерси, Нью-Йорк и Мэриленд, – в легислатурах которых внешнеполитическая проблематика обсуждалась, но не были сформированы решения о внесении поправок в текст основного закона. В третью группу были отнесены три штата (24%) – Коннектикут, Массачусетс и Южная Каролина – легислатурах, в которых были обсуждены и приняты решения о внесении изменений по внешнеполитическим вопросам.

Табл. 1: Классификация штатов

Новая Англия	Средние штаты	Южные штаты
Не вынесли и не известен факт обсуждения		
Нью-Хэмпшир Род-Айленд	Пенсильвания	Виргиния Северная Каролина
Не вынесли, но обсуждали		
	Нью-Йорк Нью-Джерси Делавэр	Мэриленд Джорджия
Вынесли и обсуждали		
Массачусетс Коннектикут		Южная Каролина

Фокус критических высказываний в legislatures штатов по внешнеполитической проблематике был сосредоточен на содержании Ст. 6, 9, 11. Анализ документов позволил выделить четыре тематических блока.

Первый – механизм принятия решения голосами девяти штатов. В legislatures трех штатов этот принцип был отвергнут. В Нью-Джерси считали, что для принятия решений надлежало увеличить количество голосов, однако, не уточнили их количество [1]. В Массачусетсе довели необходимое количество голосов до десяти, а также представили альтернативный план: решения должны были приниматься голосами делегатов от двух третей населения США [2]. В Южной Каролине инициировали применение голосов от одиннадцати штатов.

Второй блок – военная сила. В Нью-Джерси считали необходимым отменить положение в Ст. 6 о том, что в мирное время не должно быть постоянной армии, за исключением только такого числа, которое будет установлено решением голосов девяти штатов [3]. В Коннектикуте пришли к еще более радикальным выводам: сухопутная армия не должна была существовать в мирное время [4].

Третий блок – экспансия. Расширение территории США стала одной из проблемных тем при рассмотрении вопроса о ратификации текста «Статей Конфедерации». В Ассамблее штата Джорджия посчитали целесообразным вести в ст. 11 пункт о том, что вместе с Канадой предоставить право вступления в сою колониям Западной и Восточной Флорид без одобрения голосов девяти штатов [5]. В Нью-Йорке положение Ст. 11 также вызвали волну обсуждений, однако, из-за неполноты исторических источников этот вопрос не подлежит раскрытию.

В легислатурах Делавэра и Мэриленда были выдвинуты идеи о необходимости полномочий Конгресса урегулировать спорные приграничные вопросы между штатами, которые вели экспансию в бассейне р. Миссисипи и т. н. «Южного моря» [6].

Четвертый блок – компетенция штатов и Континентального Конгресса. В Южной Каролине отстаивали право штатов отправлять послов в иностранное государство исключительно для ведения торговли, «...но не для того, чтобы помешать какому-либо договору или союзу Соединенных Штатов, или договору, предложенному Конгрессом». В Нью-Джерси занимали противоположную позицию, рассматривая вопрос в свете несовершенства положений Ст. 6 и Ст. 9: надлежит более четко выписать предложение о делегировании полномочий Конгрессу на ведение торговли с иностранными государствами, ведения оборонной политике (создание флота для защиты торговли и обороны побережья) [7].

Несмотря на узость источниковой базы, прослеживается процесс проявления локальных интересов штатов в процессе формирования внешнеполитического механизма североамериканского государства.

Источники и литература

1. New Jersey Representation to Congress, 15–16 June 1778 / DHRC, ed. John P. Kaminski, Gaspare J. Saladino, Richard Leffler, Charles H. Schoenleber and Margaret A. Hogan. Charlottesville: University of Virginia Press, 2009. – Constitutional Documents and Records, 1776–1787, Volume I: Constitutional Documents and Records, 1776–1787 – P. 114, 116-117.
2. Instructions to the Delegates in Congress, 10 March 1778 / DHRC, ed. John P. Kaminski, Gaspare J. Saladino, Richard Leffler, Charles H. Schoenleber and Margaret A.

- Hogan. Charlottesville: University of Virginia Press, 2009. - Constitutional Documents and Records, 1776–1787, Volume I: Constitutional Documents and Records, 1776–1787. – P. 103.
3. New Jersey Representation to Congress, 15–16 June 1778 ... Op. cit. – P. 114, 116-117.
4. Instructions to the Delegates in Congress, February 1778 / DHRC, ed. John P. Kaminski, Gaspare J. Saladino, Richard Leffler, Charles H. Schoenleber and Margaret A. Hogan. Charlottesville: University of Virginia Press, 2009. – Constitutional Documents and Records, 1776–1787, Volume I: Constitutional Documents and Records, 1776–1787 – P. 110.
5. House of Assembly, 26 February 1778 / DHRC, ed. John P. Kaminski, Gaspare J. Saladino, Richard Leffler, Charles H. Schoenleber and Margaret A. Hogan. Charlottesville: University of Virginia Press, 2009. – Constitutional Documents and Records, 1776–1787, Volume I: Constitutional Documents and Records, 1776–1787. – P. 127.
6. The Council, 28 January 1779. – P. 130 / DHRC, ed. John P. Kaminski, Gaspare J. Saladino, Richard Leffler, Charles H. Schoenleber and Margaret A. Hogan. Charlottesville: University of Virginia Press, 2009. – Constitutional Documents and Records, 1776–1787, Volume I: Constitutional Documents and Records, 1776–1787. – P. 130-131; Instructions to Delegates in Congress, 22 December 1777 / DHRC, ed. John P. Kaminski, Gaspare J. Saladino, Richard Leffler, Charles H. Schoenleber and Margaret A. Hogan. Charlottesville: University of Virginia Press, 2009. – Constitutional Documents and Records, 1776–1787, Volume I: Constitutional Documents and Records, 1776–1787. – P. 97-98.
7. New Jersey Representation to Congress, 15–16 June 1778 ... Op. cit. – P. 116-117.

О. М. Болдырева

*кандидат исторических наук, заведующая кафедрой
гражданско-правовых дисциплин Елецкого филиала
Российского Нового Университета*

**НАТО И ЯДЕРНОЕ ВЕЛИЧИЕ ФРАНЦИИ
В 60-Х ГГ. XX В.**

Во Франции издавна принято считать, что великой державой является государство, способное в одиночку выдержать войну против любой другой великой державы.

Главной целью генерала Ш. де Голля было вернуть Франции статус великой державы, утерянный во время второй мировой войны. О традиционном «пушечном величии», основанном на превосходстве в материальной силе, нечего было и думать. Генерал де Голль надеялся вернуть Франции величие, добившись преобладающего морального авторитета. Для того чтобы пользоваться международным авторитетом, по его мнению, надо было, прежде всего, обладать полной, максимально возможной независимостью.

Базу для укрепления независимости Франции де Голль ищет в Западной Европе. Наследство, оставленное здесь Четвертой республикой, устраивало его еще меньше, чем жалкое положение Франции в НАТО. К приходу к власти де Голля в 1958 году Франция участвовала в ОВК НАТО, на её территории размещались американские военные базы. Кроме того, там размещались руководящие органы НАТО (Совет, Секретариат, штаб Верховного главнокомандующего, базы ВМС, ВВС США). В довершение - часть французских войск была выделена в состав сил НАТО под американским командованием. Всё это, по мнению де Голля, ущемляло интересы Франции.

Ни в чем так болезненно и остро не ощущал де Голль свои неудачи, как в области внешней политики. Ведь это была сфера, которую он воспринимал особенно близко к сердцу. В конечном счете, все внутренние проблемы Франции сводились для него к вопросу о ее величии, то есть к ее международному влиянию и престижу. При решении любой проблемы он исходил из интересов укрепления международных позиций Франции.

Важно обратить внимание на то, что внешнеполитические концепции де Голля в основном сложились в годы второй мировой войны и в период Четвертой республики [9]. В основе его внешнеполитической доктрины лежали три основных принципа: национальная независимость, самостоятельная и независимая национальная оборона, свободная система союзов с учетом существующих международных отношений. Принцип независимости включает в себя защиту суверенитета страны в лице ее сильного государства, достижение ранга и величия, а также приоритет нации над идеологией. Принцип независимости национальной обороны включает мощную экономику, ядерное оружие и развитие оборонной промышленности. Принцип свободной системы союзов предусматривает особое значение Европы и роли в ней Франции, необходимость независимости Европы от США, сотрудничество с СССР, самостоятельную и независимую политику. Однако существование НАТО, в свое время оправданное, как полагал де Голль, обстоятельствами, теперь лишало Францию независимости, поскольку НАТО - это такая система безопасности, которая предоставляет Вашингтону возможность контролировать не только вооруженные силы союзников, но и их деятельность в области внешней и внутренней политики.

Уже с первых дней существования нового политического режима во Франции руководители V Республики начали последовательное наступление на американскую гегемонию в НАТО и на «особые отношения» США и Англии. Несмотря на то, что 7 ноября в заявлении госсекретаря США Даллеса предложение де Голля о реорганизации НАТО было отвергнуто, французское правительство добивалось признания за своей страной статуса великой державы, которая могла бы осуществлять независимую национальную политику, но, и несла ответственность за выработку общей политики Запада.

В результате, постепенно де Голль, понимая, что он не придет к согласию со своими англосаксонскими собеседниками, начал курс постепенного отхода от НАТО.

В связи с этим де Голль понимал, что его страна должна в какой-то мере сама заботиться о собственной безопасности. Он придавал очень большое значение производству Францией своего атомного оружия. Генерал не хотел слышать никаких возражений против создания ударных ядерных сил и буквально принудил парламент принять закон об их создании, чем вызвал возмущение многих атлантически настроенных политиков. Первые атомные испытания Франция осуществила в алжирской Сахаре еще в 1960г. и с тех пор продолжала их. Де Голль считал, что обладание ядерной силой возвеличивает Францию и ставит ее в ранг великой державы.

Руководители V Республики взяли курс на создание « национальной ударной силы» - французского ядерного оружия, возведенного в ранг государственной политики. Уже в 1960г. Франция вслед за США и Англией стала третьим членом западного «ядерного клуба», а «ядерный аргумент» превратился в один из козырей французской дипломатии[4,с.185]. Превращение Франции в ядерную

державу дало ей возможность взять на себя инициативу в борьбе за предоставление Западной Европе более значительного места в мире и освобождения ее от диктата США.

Выступая по радио 31 мая 1960 года, де Голль выразил желание «содействовать превращению Западной Европы в политическое, экономическое, культурное и гуманитарное объединение, готовое к действиям». Но для эффективной интеграции надо было, чтобы государства находились в примерно одинаковых военно-политических условиях. ФРГ имела ограниченный суверенитет в вопросах военного строительства, Англия была связана с США англо-американским соглашением от 1958 года, по которому не могла передавать ядерную информацию третьей стране без согласия Вашингтона[6, с.92].

Зависимость Западной Европы от США в вопросах обороны перетекала в зависимость политическую. Намерение президента V Республики воплотить в жизнь концепцию «Европы отечеств» было неразрывно связано с его желанием вывести свою страну из военной организации НАТО. Надо отметить, что, одобряя Атлантический союз в политических рамках, де Голль не скрывал враждебности к военной интеграции Франции в НАТО, лишаящей страну эффективной национальной обороны, а также втягивающей ее в конфликты, чуждые национальным интересам[4, с.186].

Однако экономический и военный потенциалы страны не давали ей основания рассчитывать на успех в единоборстве с американской гегемонией в НАТО. В поисках средств и союзников Париж обратился к европейским странам, партнерам Франции по ЕЭС.

Усилия французской дипломатии были направлены на то, чтобы создать обособленный от Атлантического союза военно-политический блок континентальных стран

Западной Европы, который явился бы опорой Франции в ее независимости от англосаксов. Его экономической основой должен был стать «Общий рынок». Совокупная экономическая мощь стран европейской «шестерки», по мысли де Голля, представляла собой солидную базу для равноправного разговора с Америкой[4, с.186].

Значительный интерес проявлялся к военным аспектам западноевропейской интеграции. Франция явно исходила из того, что налаживание военного сотрудничества в рамках сообщества будет соответствовать ее интересам. В «шестерке» она являлась наиболее крупной в военном отношении страной, к тому же взявшей курс на обретение собственного ядерного оружия. Никто из партнеров по ЕС не мог оспорить в этом плане, безусловно, лидирующие позиции Франции в сообществе. Создаваемый Парижем независимый ядерный потенциал мог бы стать основой организации в рамках сообщества самостоятельной военной структуры, не находящейся в прямом подчинении НАТО и в этом смысле выведенной из-под прямого американского контроля.

Именно намерение Франции наладить военное и политическое сотрудничество в «шестерке», с целью создания некоей опоры против США, крайне беспокоило ФРГ и других участников интеграционного объединения. Сама идея политического сближения и развития взаимодействия в военной области в принципе возражений не вызывала, но практически никто из партнеров Франции по ЕС не мог согласиться с тем, чтобы противопоставить этот процесс американо-западноевропейскому альянсу и тем самым прямо направить его против США, оставшись лицом к лицу с Советским Союзом[3, с.79].

Союз с Бонном, которому де Голль первоначально придавал особое значение, не оправдал себя не только в отношении проблемы политического объединения

Западной Европы, независимого от США. Де Голль не получил поддержки и в своих усилиях по преобразованию НАТО. Более того, западногерманские представители в органах блока открыто осуждали сокращение участия Франции в системе военной интеграции Атлантического союза.

Де Голль относился к этому с сожалением, но пониманием. Он видел причину неудачи в расхождении реальных национальных интересов, которые могут рано или поздно вступить в противоречие.

Французские планы по военно-политическому сотрудничеству в первые годы V Республики сочетались с установками на вывод страны из военной организации НАТО и переходом к независимой политике в военной области, проводимой при тесных контактах с руководством Североатлантического блока. Но вместе с тем, важно отметить, что де Голль не умалял значения политического сотрудничества стран Запада в рамках НАТО.

Излагая К.Аденауэру свои соображения по поводу отрицательных моментов американского командования в НАТО, президент Франции отмечал, что «никто не может предсказать действия американцев на случай возникновения опасности. Неизвестно, применят ли они в этом случае ядерное оружие для защиты Европы». Кроме того, «натовская интеграция «обезглавила» правительства, прямой обязанностью которых является организация обороны их страны» [1, с.53].

Франко-американские противоречия по вопросу ядерной стратегии проявились, когда США сменили в 1961 году стратегию «массированного возмездия» на стратегию «гибкого реагирования».

Концепция «массированного возмездия» была обусловлена тем, что у СССР до определённого момента не было средств доставки ядерных зарядов на территорию

США, и по замыслу Вашингтона под ядерный удар попадала только территория СССР. Но с появлением у Советского Союза средств доставки Москва могла адекватно ответить США.

Вторая причина смены стратегии - разнообразие конфликтов в мире, при которых «массированное возмездие» не работало (война в Корее, периферийные конфликты, где «ядерная дубина» США не действовала). США надо было расширить возможности вооружённых сил для использования их в политике.

Суть стратегии «гибкого реагирования» - отвести возможный ядерный удар от территории США и предусмотреть использование ядерного и обычного оружия в различных конфликтных ситуациях. Конфликтные ситуации могли возникнуть в Центральной Европе, то есть в зону конфликта попала бы Франция. У де Голля не было сомнений, что в таком случае последуют ядерные удары по находящимся во Франции руководству НАТО и военным базам США. Париж не согласился со стратегией «гибкого реагирования». В начале 60-х гг. у Франции появилось своё ядерное оружие, что вызвало опасения США.

Ядерная стратегия Франции, предложенная начальником генерального штаба Ш.Айере, стратегия «обороны по всем азимутам» была сугубо национальной. Суть «обороны по всем азимутам» - возможность французских вооружённых сил нанести ядерный удар по любой точке планеты, и тем самым роль Франции - уменьшить влияние США, отделить свою внешнюю политику от политики НАТО.

По мнению де Голля, Франции были необходимы межконтинентальные баллистические ракеты с мегатонными боеголовками.

Практически, как считал де Голль, сущность этой стратегии означала жесткий неизменный подход к

ядерному оружию, как к независимому, находящемуся в исключительном ведении Франции и предназначенному только для защиты ее национальной территории. Отсюда и перманентный отказ французской дипломатии от предоставления ядерных гарантий кому бы то ни было, включая союзников Франции. Позиция бескомпромиссная. Она подтверждается многочисленными в прошлом, и неизменно безуспешными, попытками советской дипломатии получить согласие правительств Пятой республики на включение ее ядерных вооружений на переговорах по разоружению в счет ядерных сил западных держав.

Стратегия «обороны по всем азимутам» была радикальной заявкой Франции на независимость от НАТО. К тому же она не рассматривала СССР как главного врага, что подрывало основы атлантизма.

В октябре 1962 г. в английской печати появилось сообщение о намерении Англии представить план создания европейских ядерных ударных сил на основе коалиции английских и французских ядерных сил. Несмотря на то, что по оценкам специалистов, ядерная мощь Англии и Франции в то время не превышала 4% ядерного потенциала США, американское правительство усмотрело в этой концепции «национальных ядерных сил» прямую угрозу своей ядерной монополии в НАТО. В результате встречи Макмиллана и Кеннеди 18-21 декабря 1962г., появилось совместное заявление о системах ядерной обороны, получившее название «пакт Нассау». Подписав этот документ, Англия поставила свою национальную оборону, включая атомное оружие, под контроль США.

Соглашение в Нассау стало, кроме того, и отправным пунктом в планах США о создании «многосторонних ядерных сил НАТО», поскольку они добились согласия от Англии передать в эту систему все ее

будущие атомные подводные лодки, оснащенные американскими ракетами «Поларис», а также и ее стратегическую бомбардировочную авиацию. К участию в МЯС были приглашены и другие члены НАТО, в том числе ФРГ и Франция. Однако Франция самым решительным образом отклонила предложение США о создании многосторонних ядерных сил[2,с. 221-222].

Стало ясно, что Франция взяла курс на повышение своего международного престижа, что она намерена проводить самостоятельную внешнюю политику, направленную в первую очередь на осуществление ее интересов в Европе. И если при Четвертой Республике политика Франции в Европе всегда проводилась при сотрудничестве с Англией и при решающем влиянии США, то новый курс де Голля означал резкий разрыв с этими проанглийскими и проатлантическими тенденциями.

Особенно серьезное недовольство президента Пятой республики вызвали американские планы создания в рамках НАТО «многосторонних ядерных сил» (МЯС), в которых Д.Кеннеди видел первый шаг к формированию европейской опоры НАТО под контролем Вашингтона. Поскольку в МЯС, которые могли принять форму военных судов с многонациональным экипажем, оснащенных ракетами с ядерными боеголовками, предусматривалось участие бундесвера ФРГ, де Голль ответил решительным протестом.

Его непримиримая позиция в данном вопросе объяснялась достаточно вескими причинами двоякого рода. Во-первых, реализация проекта МЯС ставила крест на стремлении Франции, незадолго перед тем создавшей свою собственную ядерную «силу сдерживания», выступать в роли военно-политического лидера объединенной Западной Европы. Во-вторых, де Голль считал непеременимыми условиями евростроительства

вокруг «оси Париж-Бонн» отказ ФРГ от допуска в любой форме к ядерному оружию.

В обоих этих условиях была несомненная логика. Речь шла о том, чтобы исключить любые попытки воссоединения Германии и ревизии послевоенного статуса-кво в Европе с помощью силы, чреватые глобальной катастрофой[7,с.174].

В очень чувствительной для Франции области допуска бундесвера к атомному оружию в очередной раз ярко проявились неразрешимые противоречия между Германией и де Голлем. Еще в апреле 1957г. Аденауэр выдвинул требование о поэтапном приобщении ФРГ к распоряжению оружием массового уничтожения. Планируя ядерное вооружение армии ФРГ, Аденауэр, Штраус и другие думали, прежде всего, о том, чтобы получить соответствующее оружие от США: будь то напрямую, будь то через какое-либо объединение формирований европейских союзников по НАТО, проекты которого обсуждались в то время. Однако когда в Вашингтоне стали нарастать настроения в пользу заключения с СССР договора о нераспространении ядерного оружия, Бонн осознал, что путь к нему может вести и через Париж: именно в этом плане следует рассматривать возрождение идеи « европейского оборонительного сообщества» с собственными ядерными силами, который в этот период активно пропагандировался так называемыми «западногерманскими голлистами», невзирая на отказ де Голля от трехстороннего проекта 1957года[8,с.91].

Переход Франции с начала 1963г. к новому курсу внешней политики вызвал бурный протест со стороны США. Несмотря на то, что европейская политика имела для французского правительства в это время, доминирующее значение, тем не менее, направленные против «европеистов» и «атлантистов» деголлевские

внешнеполитические концепции, непосредственно противоречили общему направлению американской мировой политики. Практическое осуществление независимой, свободной от интеграции, суверенной политики, по мнению де Голля, было невозможно без создания мощных вооруженных сил. Независимая внешняя политика невозможна без самостоятельной военной политики. Последняя требовала национального контроля над вооруженными силами, свободы военно-политических решений, а это было возможно лишь путем создания национальных «ударных сил». Их предполагалось построить в три этапа: в 1959-60-годы-провести испытания атомных устройств и атомных бомб в Сахаре, в 1960-1965 годы - создать и освоить производство самолетов «Мираж-IV-2» как средство доставки, в 1965-1970 годы - наладить производство ракет типа «земля-земля» с радиусом действия до 3 тыс. км, а позднее приступить к строительству атомных подводных лодок, оснащенных ракетами[2,с.244].

Убежденный в том, что новая мировая война, если она начнется, будет непременно атомной, генерал де Голль пристально следил за созданием «ударных сил», не упуская случая лично посетить заводы и лаборатории в Сакле, Пьерлате, Кадараше, а позже в Салоне. Параллельно с эти де Голль всячески уклонялся от встречи с президентом США, тем более что он решительно не желал присоединяться к договору о запрещении атомных испытаний в трех средах, который был вскоре подписан Советским Союзом, США и Англией.

В январе 1964г. в США с беспокойством констатировали, что Франция планирует постройку пяти атомных подводных лодок, а также вынуждены были принять к сведению опубликованный декрет президента де Голля о порядке введения в действие стратегических

военно-воздушных сил Советом обороны под его председательством, что было связано с созданием первых самолетов «Мираж-4» для доставки ядерного оружия. В июле 1964г. де Голль подтвердил, что Франция становится ядерной державой, и что соотношение сил в мире изменилось не в пользу США[2,с.245].

Демонстрируя общую невозможность достичь договоренности с США и Англией, де Голль делает крутой поворот и берет курс на выход Франции из военной организации НАТО.

В марте 1966г. он сообщил президенту США Л. Джонсону о решении Франции прекратить свое участие в интегрированном командовании и не передавать свои вооруженные силы в распоряжение блока. Джонсон предложил де Голлю провести предварительные консультации со всеми остальными членами НАТО. Однако французское правительство 9 и 10 марта передало меморандум послам 14 стран НАТО, содержание которого сводилось к следующим положениям: ныне не существует реальной угрозы извне западному миру; Франция создает свое атомное оружие, характер которого исключает его интеграцию; ядерное равенство СССР и США привело к изменению общих условий защиты Запада; Европа перестала быть центром международных кризисов, который переместился в Азию, где не затронуты интересы стран НАТО в целом. Таким образом, расчеты США выиграть время путем затягивания переговоров с Францией не оправдались. 29 марта французское правительство вручило 14 странам-участницам НАТО новый меморандум о выходе из военной организации блока.

В соответствующей ноте французского МИД устанавливались конкретные сроки вывода натовских штабов и американских войск с территории Франции, и де

Голль твердо настаивал на их соблюдении, несмотря на неоднократные просьбы американской стороны продлить их. Штаб-квартира НАТО была вскоре перенесена из Парижа в Брюссель, куда переехал и командующий войсками НАТО Л.Лемнитцер. К осени 1967г. было окончательно завершено отделение Франции от военной организации НАТО. Рухнула основная опора натовской инфраструктуры в Европе[5,с.124].

Разумеется, этот решительный шаг де Голля вызвал острую критику руководства стран, входящих в НАТО. Генерала обвиняли в предательстве, в подкупе Москвой, в измене интересам собственного народа. Но де Голль был непреклонен в проведении независимой политики, полагая, что Франция не должна участвовать в противостоянии сверхдержав. Франция вышла из ОВК НАТО из-за боязни быть втянутой в чуждый её интересам конфликт. Другой фактор, повлиявший на решение Франции выйти из НАТО - на смену американскому военному превосходству неминуемо шёл паритет между СССР и США, и американские ядерные гарантии становились фикцией.

Подобный поворот событий имел чрезвычайно важное значение в военно-стратегическом отношении. Не только потому, что 7 сентября 1966 г. Франция информировала Совет НАТО о прекращении с 1967г. уплаты причитающейся на ее долю суммы в 480 млн. франков на бюджет и инфраструктуру НАТО, но и в силу фактической ликвидации самой этой инфраструктуры, находившейся на ее территории. Действительно, перевод многочисленных штабных и учебных заведений НАТО из Франции, также как и переезд 30 тысяч американских и 9 тысяч канадских военнослужащих, особой трудности не составлял и большого ущерба не наносил. Но инфраструктура НАТО, только по известным данным, составляла: 46 аэродромов, 1500 миль нефтепроводов, 10

систем телеграфной и радиосвязи, 10 специальных радиостанций, 14 аэронавигационных станций, 9 военноморских депо и доков, 17 специальных складов и более 100 обычных военных складов[2, с.267]. Кроме того, выход Франции из НАТО привел к расколу всей военно-стратегической системы этого блока на две части - теперь страны НАТО в Средиземноморье оказались территориально отрезанными от стран НАТО в Скандинавии, в центре и на севере Европы. Это обстоятельство явно ухудшало военно-стратегическое положение НАТО, ослабляло систему управления вооруженными силами, затрудняло возможности планирования стратегии всего блока в целом.

Вместе с тем, выходя из ОВК, де Голль учитывал, что между Францией и странами Организации Варшавского договора есть ФРГ, где расположены американские войска, то есть в любом случае страна была защищена с востока. Стратегический баланс в Европе и мире сохранялся.

После выхода Франции из ОВК в 1966 году и с приобретением ею особого статуса блок НАТО адаптировался к этому положению. Париж непосредственно не участвовал в работе военных органов НАТО, но имел при них миссии связи для координации действий. Франция не прекратила участия в деятельности некоторых звеньев военно-технической инфраструктуры НАТО.

Выход Франции из военной организации НАТО, повлекший за собой некоторое ухудшение отношений с США и ФРГ, был одним из важнейших событий всей послевоенной европейской истории, имевшим огромное международное значение. Этот акт внешней политики де Голля полностью соответствовал его концепции национальной независимости и суверенитета Франции, его

военно-политической доктрине. Президент Франции считал, что в дальнейшем все страны Западной Европы должны будут последовать ее примеру и восстановить свой суверенитет, ограниченный влиянием США.

Список использованных источников

1. Аденауэр К. Воспоминания. Т.4. 1959-1963. М.,1970.
2. Антюхина-Московченко В.И. Шарль де Голль и Советский Союз. М.,1990..
3. Барановский В.Г. Западная Европа: военно-политическая интеграция. - М.: Международные отношения,1988.
4. Богословская О.В. Шарль де Голль и Поль-Анри Спаак: две концепции «Объединенной Европы» // Шарль де Голль. / Под ред. М.Ц.Арзаканян, А.О.Чубарьяна. - М.: ИВИ РАН, 2000.
5. Ерофеев В.И. Встречи с де Голлем.// Шарль де Голль. / Под ред. М.Ц.Арзаканян, А.О.Чубарьяна. - М.: ИВИ РАН, 2000.
6. Михеев В.С. США, Франция и европейская безопасность. М., 1993.
7. Рубинский Ю.И. Де Голль и европейское строительство.// Шарль де Голль. / Под ред. М.Ц.Арзаканян, А.О.Чубарьяна. - М.: ИВИ РАН, 2000.
8. Семычев М.К. Соседи по Рейну вчера и сегодня. Очерк истории франко-германских и франко-западногерманских отношений. – М.: Международные отношения, 1988.
9. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. 1944-1945 / М-во иностр. дел СССР.- М.: Политиздат, 1983.

О. Пашкевич

кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора трудовых ресурсов Института системных исследований в АПК НАН Беларуси

ИНИЦИАТИВА ПО СОЗДАНИЮ ЗЕЛЕННЫХ РАБОЧИХ МЕСТ В США

Зеленая экономика (Green Economy) – новое направление в формировании аграрной, экологической и экономической науки в последние два десятилетия. Экономика признается зависимым компонентом природной среды, в пределах которой она существует и является ее частью [1]. Концепция зеленой экономики, прежде всего, включает экологию, охрану окружающей среды и органическое земледелие. В соответствии с вышеупомянутой концепцией формируется и новое направление рынка труда США – создание зеленых рабочих мест, как мест производства высококачественной продукции с помощью ресурсо- и энергосберегающих технологий.

Миссия инициативы по созданию зеленых рабочих мест заключается в формировании квалифицированной рабочей силы для удовлетворения потребностей работодателей в развивающейся зеленой экономике, и создании новых возможностей трудоустройства работников.

Зеленые (или экологически чистые) рабочие места – это вид занятости, который в значительной степени способствует сохранению или восстановлению качества окружающей среды.

Так, например, инициатива по созданию зеленых рабочих мест в США (Chicagoland Green Collar Initiative)

[2] была создана в 2007 г. как идея сотрудничества некоммерческих организаций, представителей местных властей и работодателей, которые инвестируют в экологически устойчивое экономическое развитие городских и пригородных территорий.

Вместо того, чтобы выделять отдельные зеленые профессии преимущественно для сельских территорий, данная инициатива выступает за расширение рабочих мест в различных секторах, которые обычно считаются «зелеными», таких как энергоэффективность и энергосбережение, возобновляемые источники энергии, сокращение отходов, развитие городского сельского хозяйства.

Инициатива определяет *зеленые рабочие места* как высокооплачиваемые рабочие места с перспективой карьерного роста, которые непосредственно способствуют сохранению и повышению качества окружающей среды. Как и работники традиционных рабочих профессий, представители зеленых рабочих мест варьируются от низко- до высококвалифицированных, и включают в себя возможности для продвижения как по карьере, так и по уровню заработной платы.

С момента своего создания, инициатива состояла из представителей руководящего комитета и 13 организаций в регионе г. Чикаго (штат Иллинойс), которые являются лидерами в направлениях экологической устойчивости и развития трудовых ресурсов. В настоящее время инициатива находится под управлением Совета по трудоустройству и работает с 70 организациями–партнерами по вопросам пропаганды обучения и трудоустройства лиц, ищущих работу.

В настоящее время зеленые рабочие места подразделяются на:

рабочие места, которые имеют отношение к окружающей среде;

рабочие места, способствующие более эффективному использованию ресурсов и снижению уровня выбросов в окружающую среду;

рабочие места, которые играют центральную роль в озеленении отраслевой экономики.

В настоящее время большое внимание уделяется зеленым насаждениям в пределах городских территорий (рис. 1).

Рисунок 1 – Городская территория г. Чикаго, Иллинойс

Такой подход способствует сохранению земельных ресурсов, повышению качества водной и воздушной среды, создает основу для преодоления последствий, связанных с изменением климата и ориентирует на сохранение окружающей среды.

В таких условиях знания и навыки, предъявляемые к труду на зеленых рабочих местах, претерпевают определенные и значительные изменения, в числе которых:

навыки проектирования – эко-дизайн, зеленое производство, спецификация материалов, оценка жизненного цикла (стоимости) проекта;

навыки по управлению отходами – подсчет отходов и мониторинг, технологические системы отходов, минимизация отходов;

навыки энергосбережения – энергосбережение, управление системами энергосбережения, стоимость реализации энергии, возобновляемые и невозобновляемые источники энергии;

навыки водопользования – минимизация использования воды и ее повторное использование, управление водными системами, мониторинг водопользования;

навыки строительства – энергоэффективное строительство, управление строительными объектами, расчет энергоэффективности зданий;

навыки по управлению транспортом – технологии по минимизации влияния транспортных систем на окружающую среду, управление транспортными системами;

навыки по расходованию материалов – управление источниками поступления, закупки и отбор материалов, управление материалоемкостью;

навыки управления финансовыми потоками – модели инвестирования, новые и альтернативные финансовые модели, количественная оценка влияния изменения климата, принципы и инструменты низкоуглеродной и ресурсосберегающей экономики;

управленческие навыки – оценка управленческих решений, бизнес-планирование, повышение осведомленности, управление возможностями, риск-менеджмент, оперативный менеджмент.

Информационный портал Департамента США по труду содержит информацию о зеленых рабочих местах в сфере производства и услуг, а также о возможностях построения карьеры в этой сфере [3].

Так, программа занятости в сфере зеленой экономики (The Occupational Employment and Wages in Green Goods and Services – GGS-OCC) охватывает такие направления как создание рабочих мест, их развитие и оснащение, уровень заработной платы, оценку эффективности функционирования как зеленых секторов, так и сегментов, которые имеют смешанную направленность.

Информация сгруппирована по следующим секторам экономики:

- сельское, лесное, рыбное хозяйство, охота;
- коммунальные услуги;
- строительство;
- производственный сектор;
- оптовая и розничная торговля;
- транспортировка и хранение;
- информационный сектор;
- финансы и страхование;
- профессиональные, научные и технические услуги;
- управление компаниями и предприятиями;
- переработка вторичных отходов;
- образовательные услуги;
- искусство, отдых и развлечения;
- иные группы услуг;
- государственное управление.

Построение карьеры в сфере зеленой экономики возможно по следующим направлениям.

1. Водоохранные мероприятия.

Пресная вода является одним из наиболее важных ресурсов Земли без которого невозможна жизнь. В связи с

тем, что доступные источники пресной воды ограничены и истощаются, сохранение водных ресурсов является важным аспектом зеленой экономики.

2. Карьера в интересах устойчивого функционирования лесного хозяйства.

Функции рабочих лесного хозяйства нацелены на сохранение жизнедеятельности и жизнеспособности лесных экосистем, поддержание биологического разнообразия.

3. Карьера в в сфере производства биотоплива.

Альтернативные виды топлива (произведенные из биологического сырья) могут сократить использование нефти и нефтепродуктов и могут являться более экологически чистыми.

4. Карьера в сфере геотермальной энергетики.

Геотермальные электростанции используют источники природного подземного тепла Земли в целях получения возобновляемой энергии.

5. Карьера в сфере восстановления окружающей среды.

Восстановление и очищение окружающей среды от промышленных отходов и выбросов, использования пестицидов и удобрений является важным направлением зеленой экономики.

6. Карьера в области устойчивого развития.

Устойчивое развитие возможно в условиях рационального использования ресурсов для удовлетворения существующих потребностей человечества без ущерба для будущих поколений.

7. Энергоаудиторы.

Деятельность энергоаудиторов заключается в проверке и консультировании и нацелена на предотвращение потерь теплого воздуха и его утечки во внешнюю среду.

8. Карьера в сфере переработки отходов.

Переработка стала важной проблемой в США, так как количество отходов, которое генерирует каждый человек продолжает расти.

9. Карьера в производстве электрических транспортных средств.

Электрические автомобили считаются важным шагом в направлении сокращения нефтяной зависимости, защиты окружающей среды и улучшения транспортной устойчивости.

10. Карьера в сфере зеленого строительства.

Здания, построенные сегодня, отличаются от тех, которым 100 и более лет. Поскольку интерес к защите окружающей среды растет, «зеленые» здания, которые построены из экологически чистых материалов и имеют специализированные конструкции, стали более распространенным явлением.

Так, например, инициатива LEED [4] ставит своей целью развитие и продвижение сферы зеленого строительства: дизайн, планировка, оформление зданий в соответствии с экологическими стандартами.

LEED (Leadership in Energy & Environmental Design) является сертифицированной программой по оценке соответствия зданий и конструкций определенным стандартам согласно рейтинговой системы.

Обучаясь и в дальнейшем работая в этой сфере, специалист получает профессиональное удостоверение эксперта в сфере развития зеленых стратегий.

Сертификация LEED в настоящее время признана в мире как стандарт и основной критерий качества в зеленом строительстве (рис. 2).

Рисунок 2 – Знак сертификации зданий в соответствии с LEED

11. Карьера в сфере солнечной электроэнергетики.

Солнечный свет является наиболее распространенным источником потенциальной энергии на планете. Если его задействовать должным образом, то этот экономически эффективный ресурс может в большей степени удовлетворить текущие и будущие потребности страны в электроэнергии.

12. Карьера в ветроэнергетике.

Энергия ветра использовалась на протяжении веков, но в настоящее время ее рассматривают как относительно новый и альтернативный источник генерации электроэнергии.

В условиях экономического спада в США, необходимость и актуальность инициативы возросла. В дополнение к своим функциям она стала ориентироваться на оказание помощи в трудоустройстве лицам, имеющим длительный срок безработицы.

В настоящее время в задачи инициативы по созданию зеленых рабочих мест входят:

развитие информационного центра для общественности в целях образования населения и расширения его осведомленности по вопросам развития зеленых рабочих мест;

создание онлайн- и интерактивных услуг для лиц, ищущих работу и оказывающих такие услуги работодателям;

проведение ежеквартальных встреч с партнерскими организациями с обсуждением актуальных вопросов устойчивого экологического развития и создания рабочих мест в этой сфере;

содействие проведению ежегодных саммитов по созданию зеленых рабочих мест, на которых национальные эксперты по окружающей среде и развитию трудовых ресурсов знакомят заинтересованные стороны о перспективах в этой сфере;

руководство проведением научных исследований в области зеленой экономики;

принятие участия в местных, государственных и федеральных дискуссиях о зеленых рабочих местах и экологической устойчивости.

Список использованных источников

1. Green Economy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unep.org/greeneconomy/>.
2. Chicagoland Green Collar Initiative [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.greencollarchicago.org/>.
3. Green Jobs. U.S. Department of Labor [Electronic Source]. – Mode of Access: <http://www.bls.gov/green/greencareers.htm>.
4. LEED [Electronic Source]. – Mode of Access: <http://www.usgbc.org/leed>.

Е.И. Нестерова

кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и теории культуры, Российский государственный гуманитарный университет

ФОРМИРОВАНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ КОЛОНИИ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА: МИКРОИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В середине XIX века основные интересы американских предпринимателей на российском Дальнем Востоке сосредотачивались на побережье Охотского моря, Курильских островах, Амуре, в 60-е гг. XIX века ситуация меняется: американские предприниматели начинают вести свои дела во Владивостоке. В 1874 г. среди городских владельцев недвижимости числилось пять американцев (В.Ф. де-Фриз, Чарльз и Оскар Смиты, Г.А.Купер, Е. Больман) [6, с. 35].

Одним из первых здесь появился Джон Корнелиус де Фриз (Gens Cornelius De Vries), с 50-х гг. XIX в. проживавший в Николаевске-на-Амуре. Он вел торговлю в городе, а также в Кизи и Императорской гавани. В 1858 г. де Фриз привез из Сан-Франциско в Николаевск пароход, названный «Адмирал Казакевич», собрал его и позже продал американцам Вильяму и Джону Берлингам [6, с. 280]. Помимо коммерческой деятельности де Фриз попытался в 1858 г. осуществить проект по переселению на берега Амура тридцати семейств немецких и голландских колонистов из Европы и Америки

Де Фриз обратился к генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву с ходатайством о разрешении поселения. Так как высочайше утвержденные правила заселения Амура еще не были созданы, то Н.

Муравьев, «не желая его удерживать через ожидание позволения от высшего правительства», просил довести до сведения де Фриза – «внутри государства могут поселяться только лица, которые являются подданными Российского государства». В случае принятия русского подданства, американцы могли рассчитывать на получение выбранных ими участков земли на 25 лет в беспошлинное владение. На этих землях разрешалась постройка фабрик для переработки сельскохозяйственных продуктов без уплаты купеческих сборов. Колонисты объявлялись свободными от рекрутских наборов. Правила, касавшиеся внутреннего устройства колоний, предполагалось выработать со временем [9, ф. 704, оп. 4, д. 9, л. 1].

В 1859 г. военный губернатор Амурской области Н. Буссе сообщал де Фризу, что для поселения колонистов на один год зарезервирован участок - территория между впадающими в Амур реками Корзе (Мунган) и Лужки (Патыхан), верхняя часть острова на Амуре, против устьев этих рек, кроме того острова, лежащие напротив устья р. Хаар, а также земли по р. Хаар до ее верховья. Буссе также информировал де Фриза о том, что законодательство для колонистов пока не разработано, поэтому они будут пользоваться общими положениями.

Возможно, с этой ситуацией связан тот факт, что 27 июня 1859 г. де Фриз сменил подданство на российское [6, с. 280].

Проекту де Фриза не суждено было реализоваться, т.к. в конце концов администрация Восточной Сибири отказала американским гражданам, опасаясь, что, здесь может повториться судьба Мексики, от которой США отторгали целые территории, едва на них появлялись американские колонисты [2, с. 114].

В 1865 г. к де Фризу из Америки приехала жена и сын Вильям Францес, после чего вся семья переехала во

Владивосток [6, с. 280]. Там де Фриз получил от военного губернатора Приморской области 8 земельных участков под устройство магазина, дома, сада и огорода. Часть участков он выгодно перепродал торговому дому «Кунст и Альберс». К 1882 г. на вырученные деньги были построены во Владивостоке доходный дом, а в пригороде – молочная ферма [1, с. 135].

В 1864 г. во Владивосток прибыл другой гражданин США Карл Генрих (Генри) Купер. Купер как и Де Фриз перебрался во Владивосток из Николаевска-на-Амуре, в котором жил и вел небольшую торговлю с 50-х гг. XIX в. На российский Дальний Восток Купер приехал из Китая. Во Владивостоке Купер совместно соотечественником Смитом построил две шхуны и занимался перевозками грузов между южными гаванями – Ольгой, Посъетом и Владивостоком [6, с. 294].

К.Г. Купер выгодно купив у городского самоуправления несколько земельных участков, удачно перепродал их, что дало возможность открыть несколько ресторанов и гостиниц [1, с. 135]. Со временем К.Г. Купер сменил американское гражданство на российское подданство. К.Г. Купер был женат на крещеной китайке Марии, в браке с которой в 1888 г. он имел двенадцать детей [6, с. 280]. Во Владивостоке остался и сын К.Г. Купера Александр Карлович Купер (? – 1911), ставший купцом первой гильдии и также принявший российское подданство.

В середине 60-х гг. земельные участки в центре военного поста Владивосток приобрели братья Чарльз Генри Смит (1834 – 1898) и Оскар Смит. Ч.Г.Смит являлся агентом нью-йоркской компании по торговле с Китаем и Японией. В 1880 г. в один из приездов домой Чарльз женился на Саре Элизабет Прей (1858 – 1942) из Грейт-Фоллса (штат Нью-Гемпшир). Прожив несколько лет в

Кембридже (штат Массачусетс) они поселились в собственном доме во Владивостоке, где в 1886 г. открыли собственную торговлю – «Американский магазин» [8, с. 16 - 17]. В магазине был широкий ассортимент товаров – охотничьи ружья и другое оружие, топоры, пилы, оборудование для горного дела, фотокамеры, велосипеды, граммофоны, пишущие машинки, продукты. Из России Ч. Смит отправлял на рынки Лондона и Нью-Йорка меха [8, с. 17]. В 1898 г. Чарльз Смит скоропостижно умер. По распоряжению жены Смит был похоронен в цинковом гробу. Как писала Э. Прей «Сара заказала цинковый гроб для того, чтобы когда-нибудь она смогла забрать его домой. Хоть Чарли и прожил сорок лет в чужой стране, он оставался добрым американцем и даст Бог, он, в конце концов, успокоится в земле Новой Англии» [7, с. 47].

Согласно переписи, проведенной 13 апреля 1883 г. во Владивостоке проживало 12 американцев [6, с. 36].

В 1894 г. для помощи в «Американском магазине» приехал брат жены Ч. Смита – Фредерик Шенстоун Прей (1867 – 1923) вместе с женой Роксаной Элеонорой (1868 – 1954). Согласно Первой всероссийской переписи 1897 г. во Владивостоке проживало 16 американцев, 10 мужчин и 6 женщин, а в Приморской области 29 человек, соответственно 20 мужчин и 9 женщин. [5, с. 59].

Несмотря на немногочисленность американцев в Приморской области США были заинтересованы в открытии здесь дипломатического представительства. Однако российские власти были против этого, дав разрешение на создание здесь коммерческого агентства, не имевшего официального дипломатического статуса. 1898 г. становится важным моментом в истории существования американской общины во Владивостоке. В сентябре 1898 г. во Владивосток прибыл официальный американский чиновник – коммерческий агент Р. Гринер, назначенный на

должность консула во Владивостоке. Будучи уже в дороге он узнал, что консульство открыто не будет, и все на что он может рассчитывать – коммерческое агентство. Сохранилась переписка русских должностных лиц по поводу назначения Р. Гринера коммерческим агентом. В ответ на запрос из канцелярии генерал-губернатора Владивостока 29 сентября 1898 г. была отправлена характеристика. «Ричард Гринер прибыл [во] Владивосток 6 сентября, холост, ни в чем предосудительном не замечен, имеет установленные документы личности. Впечатление производит благоприятное. Для должности агента представляется подходящим» [4, с. 39]. Утверждение Гринера в должности коммерческого агента прошло беспрепятственно, поэтому 9 октября 1898 г. он отправил вежливое письмо Приамурскому генерал-губернатору по поводу своего официального назначения. «Позвольте выразить Вам чувства моей признательности за любезное отношение ко мне по делу о моем назначении коммерческим агентом Соединенных Штатов. Спешу уведомить, что сегодня утром я получил разрешение от Министерства Иностранных Дел в Петербурге» [4, с. 39].

По всей видимости, темный цвет кожи Гринера не шокировал космополитичный Владивосток, тем более что в городе уже проживали двое темнокожих, один из них, Форд, работал в американской фирме, другой – Джонсон, – был певцом, позже имевшим успех в Иркутске [10, р. 314].

В декабре 1898 г. над зданием американского агентства был поднят государственный флаг [10, р. 305].

Началась повседневная работа. Остаток 1898 г и начало 1899 г. Гринер провел в хлопотах, направленных на усиление позиций американских предпринимателей не только во Владивостоке, но и на всем Дальнем Востоке – он знакомился, налаживал контакты с местными предпринимателями, купцами, чиновниками, собирал

данные о товарах, ценах; готовил справки и отчеты об экономическом положении российского Дальнего Востока, консультировал заинтересованных лиц в Сан-Франциско и на северо-восточном побережье США, принимал представителей американского делового мира и путешественников, волею судьбы оказавшихся во Владивостоке. Что-то ему удавалось хорошо, что-то не очень. В первую очередь было важно установить отношения с небольшой американской общиной, существовавшей в городе. Это, увы, по всей видимости, удалось ему не очень хорошо. С этими достаточно консервативными американскими коммерсантами, очень патриотичными, воспитанными в викторианском духе и совершенно непривычными к эпатажности он попытался работать. Благодаря эпистолярному наследию жены одного из них – Элеоноры Прей, мы знаем, как «старожилы» отнеслись к Гринеру. Э. Прей нигде не упоминает о его цвете кожи, но то, что мистер Гринер носил розовые рубашки, раздавал внушительно большие визитные карточки и был не прочь как следует выпить», по мнению Э. Прей было «не слишком дипломатично» [7, с. 254]. Да и делать своим главным развлечением игру в покер, при этом «губя юного Ньюхарда», сотрудника коммерческого агентства, тоже с ее точки зрения нехорошо.

Э. Прей раздражает, что всем, с кем он общается, коммерческий агент сразу же сообщает, «что владеет несколькими иностранными языками, а затем, в доказательство своего заявления, обычно козыряет какой-нибудь французской фразой. Поскольку здесь образованный человек, не говорящий бегло по-французски, — исключение, его хвастовство выглядит просто абсурдно. Раздувшись отважности, он ходит по городу с флагом, длиною примерно в четыре дюйма (около 10,2 см), приколотым орлом к его жилетке, и с заколкой в виде

флага на галстук, так что, конечно же, все видят, кто это такой» [7, с. 256 - 257].

«Я и вправду недоумеваю, что еще он сделает <...> На прошлой неделе этот человек, представитель нашей нации, обедал в китайском ресторане и напился как идиот!» [7, с. 257]. Несмотря на совместные прогулки на Седанку, беседы о литературе, «приятное чаепитие», чтение стихотворений, за фасадом внешнего приятия скрывалось совсем другое отношение. Э.Прей в письме к Саре Смит от 11 декабря 1899 г. открыто злорадствует по поводу оплошности Гринера. «М-р Гринер опозорился на открытии ломбарда [при Русско-Китайском банке], и мы все этому очень рады. Кажется, он произносил речь и среди прочего сказал что-то о том, как «Американская республика» приветствует «Российскую республику», отчего русских на минуту бросило в пот. Масленников [один из директоров банка] вскочил и заявил, что Россия — империя, а не республика, и предложил выпить за государя, после чего кто-то еще взбеленился и сказал, что это он должен произнести тост и т. д., и т. п., и кончилось тем, что все набросились на м-ра Гринера как на зачинщика этой суматохи» [7, с. 258].

Несмотря на сложности, приоритетом для Гринера оставалась работа – упрочение позиций американских предпринимателей. Существенным препятствием для расширения американского бизнеса во Владивостоке, являлось то, что в течение значительной части года порт был скован льдами. Рассказывая о перспективах, Гринер первым сообщил о строительстве ледокола, что могло гарантировать круглогодичную навигацию. Беспokoясь об американских предпочтениях, он считал настоящий момент наиболее благоприятным для закрепления позиций американцев в деловой сфере, пока не началась эксплуатация Транссибирской магистрали [11, р. 443]. В

своих депешах коммерческий агент неоднократно поднимал вопрос о целесообразности создания генерального консульства в Восточной Сибири. С его точки зрения, имея более высокий статус, американский представитель мог бы способствовать развитию свободного предпринимательства. Кроме того, он отмечал, что здесь США конкурируют с другими державами, заинтересованными в усилении своего присутствия в регионе. Отметим, что к моменту появления Гринера во Владивостоке действовали коммерческие агентства Японии, Китая, Бельгии, Германии и Франции. Впоследствии у Гринера даже сложились дружеские отношения с китайским коммерческим агентом Ли Цзяоао, имевшим в городе хорошие связи. Однако, он четко понимал, что повышение статуса официального представителя США во Владивостоке даст фору конкурентам, прежде всего немцам и японцам [10, р. 312]. Однако добиться воплощения своих планов в жизнь Гринер не смог.

В 1905 г. во Владивосток был назначен новый коммерческий агент Р.Ш. Грин, а в 1906 г. агентство было преобразовано в консульство.

В 1907 г. американская община увеличилась до 40 человек, большинство из них занималось импортно-экспортными операциями [3, с. 29].

Неполнота эмпирических данных затрудняет полноценный анализ. Можно зафиксировать несколько наблюдений. Американская колония формировалась в основном за счет коммерсантов. Большинство из них приехали во Владивосток из северных районов российского Дальнего Востока, Китая, Японии, где вели свои дела. Ряд предпринимателей приняли российское подданство, что, возможно, было связано с экономическими преференциями, предоставляемыми

империей своим подданным. По сравнению с другими группами мигрантов в американской колонии наблюдается относительная пропорциональность полового состава. Значительная часть взрослого населения американской колонии состояла в брачных отношениях, причем зачастую жены и дети проживали также во Владивостоке, а не оставались на родине. Автору известны два случая межрасовых браков (Купер был женат на китайке, а Дэвид М. Кларксон на японке). Среди иностранцев американского происхождения было сравнительно много детей.

Несмотря на относительную немногочисленность американской колонии во Владивостоке, следует отметить, что ее представители внесли весомый вклад в экономическое развитие края.

Список использованных источников

1. Алепко А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец 18 – 1917 г.). Хабаровск, 2001. 368 с.
2. Анисимов А.Л. Проблема сохранения за Россией Дальнего Востока и обеспечение его безопасности с точки зрения администрации Восточной Сибири (50 - 60 гг. 19 века) // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С. 111 – 118.
3. Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 225 с.
4. Гарусова Л. Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2001. 180 с.
5. Перепись, с. 59

6. Позняк Т.З. иностранные подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина 19 – начало 20 в.) Владивосток: Дальнаука, 2004. 316 с.
7. Прей Э. Л. Письма из Владивостока (1894–1930) / Элеонора Лорд Прей; под ред. Биргитты Ингемансон. – Владивосток: [Альманах «Рубеж»], 2008. 448 с.
8. Сильвер П.Д. Смиты и Преи // Прей Э. Л. Письма из Владивостока (1894–1930) / Элеонора Лорд Прей; под ред. Биргитты Ингемансон. Владивосток: [Альманах «Рубеж»], 2008. 448 с. с.16 – 17
9. РГИАДВ. Ф. 704, оп. 4, д. 9, л. 1)
10. Blakely A. Richard T. Greener and the "talented tenth's" dilemma // The Journal of Negro History. 1974. Volume LIX. No. 4. October. P. 305 - 321.
- 11 Mounter M. R. Richard Theodore Greener: The idealist, statesman, scholar and South Carolinian. PhD Dissertation. University of South Carolina, 2002. 567 p.

А.В. Грубинко

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Тернопольский национальный экономический университет

ВЛИЯНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ФАКТОРА НА УЧАСТИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ И ПОЛИТИКЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЕС: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Современный этап развития системы международных отношений, отсчет которого начался с завершения «холодной войны», характеризуется дальнейшими трансформациями международных приоритетов ведущего мирового государства США и выходом Европейского Союза на арену мировой политики как влиятельного глобального субъекта. Указанные процессы поставили на повестку дня политического развития ведущих государств Европы вопрос о необходимости адекватной реакции их внешнеполитических стратегий на комплекс изменений в региональном и глобальном поле безопасности. Среди этих государств выделяется Великобритания, которая при наличии ряда социокультурных, политико-экономических и военно-политических факторов находится в условиях дихотомии основных направлений внешней политики - американского и европейского. Эти направления внешней политики страны после Второй мировой войны стали определяющими для ее международного статуса, а сегодня, в условиях трансформаций трансатлантических отношений и неопределенности дальнейшего развития возможностей ЕС в сфере безопасности, формируют императивы поведения государства на международной арене.

На протяжении кон. 40 - 80-х годов XX века приоритеты внешней политики Великобритании определялись стремлением отыскать место страны в послевоенной системе международных отношений в условиях ликвидации остатков колониальной империи и потери статуса сверхдержавы. В условиях развертывания «холодной войны» в Западной Европе происходил поиск оптимальной структуры интеграции при участии США. В частности, Великобритания выступила против французской идеи создания единых европейских вооруженных сил, предусмотренных Парижским договором 1952 года о Европейском оборонном союзе. Европейцы решили сосредоточить объединенные усилия на решении экономических проблем, отдав инициативу в вопросах безопасности НАТО. Основные механизмы гарантирования европейской безопасности перешли к США, что в условиях глобального противостояния было стратегически оправданным.

Главными принципами европейской политики Великобритании стали классические принципы реализма в международных отношениях - сохранение государственного суверенитета, прагматизм и атлантизм, которые должны были гарантировать ведущую роль страны среди западноевропейских партнеров при условиях «особых отношений» с США и отказа от участия в начальном этапе европейской интеграции. Даже после вступления Великобритании в ЕЭС в 1973 году концептуальные подходы к внешней политике государства существенно не изменились. Руководствуясь доктриной «трех сфер влияния», провозглашенной в свое время У. Черчиллем, отношения страны с континентальной Европой по своей важности уступали отношениям с США и Британским Содружеством наций [5, p. 1321]. Однако запоздалое участие в региональном объединении в

условиях возросшего интереса США к европейской интеграции имело целью компенсировать потерю глобальной роли королевства и рассматривалось как средство уравнивания франко-германского влияния в Европе. Во времена правительств М. Тэтчер Великобритания поддерживала развитие политического сотрудничества стран ЕЭС на межгосударственном уровне, используя механизм Европейского политического сотрудничества в своих интересах, но выступала против формирования его возможной военно-политической составляющей. Эта политика не отвечала новым тенденциям во внешней политике США, которые на этапе завершения «холодной войны» были все больше заинтересованы в усилении европейского фланга НАТО.

В течение постбиполярного периода (90-е годы XX века) наблюдалась постепенная эволюция позиции Великобритании относительно военно-политического измерения ЕС от категорического (радикального) атлантизма к активизации участия в европейской политической интеграции путем попыток занять ведущие позиции и таким образом повлиять на динамику и смысловое наполнение объединительных процессов. Такой эволюции способствовали как стремление усилить влияние государства на общеевропейские процессы правительств Дж. Мейджора и Т. Блэра в условиях отказа от вхождения в «зону евро» и Шенгенское пространство, так и начало процесса переориентации международных приоритетов США с европейской зоны сосредоточения на стратегические зоны влияния в других регионах мира.

Во время правления правительства Дж. Мейджора Великобритания поддержала франко-германскую инициативу создания ОВПБ. Однако если с требованиями согласования внешних политик государств ЕС британская сторона смогла смириться, то ее трактовка ОПБО как

«европейского столба» НАТО расходилась с видением сторонников автономии Евросоюза в сфере безопасности. Согласие на формирование ОВПБ было predetermined международными обстоятельствами и необходимостью утверждения собственных позиций в ЕС, а не сознательным стратегическим выбором руководства Великобритании. Ее правительство стремилось сохранить традиционные подходы к внешней политике и системе европейской безопасности, пытаясь вписать их в новую европейскую систему координат.

В 1990-х годах окончательно сформировались современные стратегические и тактические подходы Великобритании к участию в европейской интеграции, которые сочетают выше упомянутые традиционные принципы ее европейской политики с элементами гибкого реагирования на международные реалии, что особенно заметно в такой чувствительной сфере европейского сотрудничества (интеграции), как внешняя политика и политика безопасности. Именно это направление европейской интеграции в силу его межгосударственного характера, объективных геополитических и военно-политических возможностей Великобритании позволили ее правительствам претендовать на роль активного участника интеграционных процессов, одного из его лидеров.

Прорыв в военно-политической интеграции государств ЕС осуществило подписание франко-британской декларации в Сен-Мало в 1998 году, которая дала старт процессу создания автономных европейских вооруженных формирований. Документ предусматривал предоставление возможности ЕС действовать военными средствами для урегулирования международных кризисов, в которых не задействован НАТО. Хотя британское правительство согласилось передать функции ЗЭС к ЕС, это не означало изменения главного принципа внешней

политики Великобритании - сохранение атлантической солидарности на основе американо-британских отношений. Лондон пытался сохранить роль медиатора между Европой и США, что могло прибавить ему политический вес на международной арене. Британские инициативы по развитию европейских структур безопасности осуществлялись в унисон с американским видением поддержки целостности взаимодействия военно-политических структур Запада. Умело поданая в первые годы работы лейбористского правительства европейская риторика, подкреплённая несколькими эффектными дипломатическими решениями, направленными на сближение позиций с европейскими партнерами, свидетельствовала об увеличении гибкости позиции британского истеблишмента в принятии тактических решений. Однако политика второго и третьего состава правительств Т. Блэра (2001 - 2007 годы) свидетельствовала о том, что углубление участия страны в интеграционных процессах имело преимущественно декларативный и конъюнктурный характер. Решение об участии Великобритании в войне с Ираком в 2003 году парализовало ОВПБ. За Великобританией окончательно закрепились роль одного из немногих полностью и во всем лояльных Америке союзников [1, с. 9].

Союз США и Великобритании, который символизировал атлантическую солидарность в противостоянии западных государств с СССР, свыше четырех десятилетий нес тяготы обеспечения системы безопасности в Западной Европе. С подачи британских политиков (в первую очередь У. Черчилля) американо-британские отношения получили стойкий штамп «особых». Американский исследователь Р. Реймонд выделяет три столба доктрины «особых отношений»: 1) «общее право» (британская политическая философия и традиции права); 2)

взаимные инвестиции (тесная взаимосвязь двух экономик); 3) дипломатическое сотрудничество и сотрудничество в сфере безопасности, названное «уникальным» [10, р. 5-8]. В основе военно-политического альянса находится сотрудничество в отрасли ядерных вооружений, аналогов которому в мире нет. В 1958 году две страны подписали договор о безопасности, который позволил США разместить ядерные ресурсы и соответствующие технические средства в Великобритании. Ядерные ресурсы Великобритании стали неотъемлемой частью ядерного щита Европы под патронатом США и НАТО. В 1947 году американо-британский договор формально связал разведывательные организации Великобритании и США, зафиксировав тесное сотрудничество британской службы королевской разведки М16 и американского ЦРУ. Сотрудничество вооруженных сил включает полный комплекс мероприятий, в частности, пребывание нескольких тысяч человек американского военного и гражданского персонала на военных базах в Великобритании, торговлю и разработку боевых технологий, проведение общих военных учений и участие в военных миссиях. Великобритания продолжает участвовать в Баллистической программе Противоракетной обороны США.

В то же время характер «особенности» этих отношений в течение всей истории их развития поддавался сомнениям как практической политикой, так и в концепциях в первую очередь американских политических стратегов и аналитиков. Основной проблемой является их первичная асимметричность, в основе которой лежат различия стратегического охватывания проблем безопасности [3, р. 123]. Стратегический характер этих отношений всегда имел большее значение для Великобритании, представители которой с особым

пиететом декларировали их ценность и нерушимость, нежели для США, которые традиционно поддерживают такого же характера не менее важные отношения с Израилем, Японией, Канадой, Мексикой и другими странами. Эта разница в оценке «особых отношений» в постбиполярный период проявилась в вопросах развития европейской интеграции, отношений США - ЕС.

Одним из проблемных вопросов, на который взгляды обоих партнеров всегда были и остаются неоднозначными и часто противоречивыми, является целесообразность углубления и характер европейской интеграции, степень участия в ней Великобритании. В историографии является признанным факт, что США, которые были заинтересованы в объединении Западной Европы в послевоенный период ради экономической стабилизации и развития при условии контролируемости этого процесса, всегда были сторонником британского членства в ЕЭС [4, р. 1203]. Вашингтон ращитывал, что Британия с имеющимися значительными военно-политическими возможностями, будучи активно вовлеченной в антисоветское противостояние, культурно и исторически проамериканской и экономически антипротекционистской, могла бы стать влиятельным субъектом, возможно лидером объединенной Европы [8]. В то же время для Британии политика европейской интеграции в первые послевоенные десятилетия не была приоритетом внешней политики. Опорой государственной безопасности и компенсацией за потерянный имперский статус считались именно отношения с США как лидером западного мира и членство в НАТО. Британское нежелание осуществлять полноценное и активное участие в процессах европейской интеграции рассматривалось в Вашингтоне как атавизм [6, р. 216]. Изоляционизм британских правящих кругов не входил в стратегические планы

Америки. Поэтому подача заявки страны на вступление в ЕЭС состоялась не в последнюю очередь благодаря дипломатическому давлению США.

Начало эры постбиполярного противостояния внесло коррективы в политику США относительно Западной Европы. Необходимость наладить конструктивный диалог с ведущими странами и институтами Европейского Союза для сохранения системы атлантической солидарности и контролировать процессы европейской интеграции заставили Соединенные Штаты углублять отношения с Германией и Францией - «локомотивами» европейской интеграции. Поэтому естественные для США отношения с Великобританией, которая приобрела стойкий имидж «неудобного партнера» в ЕЭС за время правления М. Тэтчер, некоторым образом отошли на второй план, что в целом не предполагало уменьшения их стратегического значения. Правительство Дж. Мейджора было вынуждено активизировать дипломатическую работу на европейском направлении. Очередное проявление инертности и изоляционизма в европейских делах могло стоить не только ухудшения условий дальнейшего участия страны в объединении, но и потери благосклонности американских партнеров. Поэтому на этапе разработки и принятия Договора о Европейском Союзе и в дальнейшем Великобритания проявила себя как защитник атлантизма. Лондон, воспользовавшись своими военно-политическими возможностями как весомым дипломатическим аргументом, добился перенесения на неопределенное время формирования структур ОПБО ЕС и перевода дискуссии о развитии европейской интеграции в сфере безопасности в русло проатлантической концепции «европейской оборонной идентичности».

В целом британская политическая элита всегда воспринимала европейскую интеграцию как

потенциальную угрозу отношениям с США при условии углубления участия страны в континентальных объединительных процессах. Например, представитель британских евроскептиков М. Тэтчер в 1990-х годах публично упрекала Дж. Мейджора в том, что тот «выбрал» Европу вместо Америки и своими шагами на европейском направлении сделал «особые отношения» второстепенными [6, р. 5-6]. В 1990-е годы высказывались определенные опасения британцев относительно уменьшения роли их страны для США по окончании «холодной войны», особенно на фоне усиления интереса американцев к отношениям с объединенной Германией как потенциальным лидером ЕС. Такие опасения удалось развеять лишь Т. Блэру в начале XXI века благодаря активному участию в вооруженных конфликтах в Афганистане и Ираке.

Завершение «холодной войны» поставило вопрос о целесообразности, а для самих Соединенных Штатов и стоимости дальнейшей тотальной зависимости Европы в сфере безопасности и обороны. США начали смещать внимание на решение и предупреждение вызовов безопасности в регионах Центральной и Юго-Восточной Азии, а также в стратегический регион Ближнего Востока. Угрозы, которые появились перед европейцами с вероятным отходом американских войск из Европы и неопределенным будущим НАТО в условиях одновременного развертывания сразу нескольких конфликтов на периферии ЕС, вызвали необходимость переосмысления региональной стратегии безопасности и реанимации идеи создания объединенных военных ресурсов. Однако фиксация «де-юре» в учредительных актах ЕС этой сферы интеграции была слишком аморфной, а процесс ее реализации выявил, с одной стороны, откровенное сопротивление проатлантически и

евроскептически настроенных государств-членов (в первую очередь Великобритании), а с другой - несостоятельность и неготовность проевропейски настроенной группы стран (фактически одинокая в желании развивать европейские войска Франция, лишенная значительных военных ресурсов Германия и другие менее влиятельные государства) к консолидации усилий и реальному инвестированию в дело приобретения ЕС военных ресурсов. Балканские конфликты 1990-х годов заставили США вспомнить роль опекуна европейской безопасности, а европейцев понять, что экономическое могущество не обязательно переходит в стратегическое и геополитическое.

В целом в Соединенных Штатах слабая политика ЕС в сфере безопасности всегда воспринималась неоднозначно. С одной стороны американцы настаивают на увеличении расходов европейцев на собственную безопасность и не против автономизации европейских вооруженных формирований под общим патронатом НАТО с целью разгрузки своей внешней политики и обороны от проблем Европы. В то же время представители американских администраций постоянно выражали предостережение относительно самостоятельного характера действий Европы в сфере безопасности. Поэтому для США важны «особые отношения» с Великобританией, которая преимущественно разделяет взгляды союзника на европейскую безопасность.

Британские правительства всегда оппонировали углублению интеграции, в первую очередь в сфере внешней политики и безопасности, были верны атлантическим обязательствам. В частности, Лондон выступает за сохранение межгосударственного характера принятия решений в рамках ОВПБ и особенно ОПБО, категорически отрицает необходимость формирования

регулярной европейской армии и с 2003 года блокирует создание постоянной Оперативной штаб-квартиры ЕС. Как отмечает исследователь С. Бископ, проблема европейской обороны состоит в том, что она не может полноценно функционировать с Соединенным Королевством, но не сможет функционировать и без него [2, р. 1297]. Согласно официальным данным Европейского Агентства Защиты (European Defence Agency) Великобритания осуществляет наибольшие расходы из бюджета на развитие европейской обороны (2,5% ВВП) среди государств-членов ЕС, которые участвуют в ОПБО, что составляет свыше 30% ее общих государственных расходов на оборону. Она является лидером по обеспечению операций и миссий ЕС [7]. Без участия британских специалистов не обходится фактически ни одна гуманитарная миссия или миротворческая операция под эгидой Евросоюза. Общеизвестной является высокая компетенция британских специалистов. Влияние Великобритании на развитие ОВПБ ЕС является козырем Лондона в отношениях с Вашингтоном.

Современный период в новейшей истории внешней политики Великобритании на американском и европейском направлениях отмечается попытками как политической элиты, так и общества переосмыслить традиционные подходы. На протяжении последнего десятилетия состоялась эволюция отношения британского общества к американо-британскому сотрудничеству. Протестные настроения, которые проявились во время массовых антивоенных демонстраций в ходе иракской войны 2003 года, сомнения в целесообразности этой кампании даже в рядах правящей тогда Лейбористской партии, проевропейские настроения значительной части британского бизнеса повлекли ментальную рефлексию местного политика и усиление антиамериканизма. В

марте 2010 года Комитет иностранных дел Палаты общин рекомендовал правительству отказаться от использования термина «особые отношения» в связи с его неадекватностью современному этапу сотрудничества между государствами. Премьер-министр Д. Кэмерон во время визита в Вашингтон в 2010 году отрицал «слепую лояльность» в отношениях стран, которые должны строиться на прагматичных интересах [9].

Более прагматичный характер американо-британских отношений поддерживает и современная американская элита. Достаточную огласку имел факт того, что президент Б. Обама приказал убрать из Овального кабинета Белого дома бюст У. Черчилля, стоявший там свыше полувека. Негативный резонанс имела неявка на похороны М. Тэтчер в апреле 2013 года ни одного представителя администрации президента и правительства США наивысшего ранга. Особенную обеспокоенность британского правительства и руководства вооруженных сил вызвало заявление госсекретаря США Дж. Керри о возобновлении военно-политического альянса с Францией как самым давним союзником Америки [11]. Кульминацией постираковского синдрома и углубления современного кризиса в отношениях Великобритании с Соединенными Штатами стало негативное голосование британского парламента 30 августа 2013 года относительно проекта правительственного решения об участии вооруженных сил в бомбардировке Сирии.

Другой проблемой, которая вносит раскол в американо-британские союзнические отношения, является жесткая антиевропейская политика Д. Кэмерона и правящей Консервативной партии Великобритании. Политика британского коалиционного правительства, где за внешнюю политику и оборону отвечают консерваторы, на европейском направлении отмечается устоявшимся

евроскептицизмом с элементами тэтчеристского ревизионизма и сугубо прагматического подхода. Кризис еврозоны углубил британский евроскептицизм. Дэвид Кэмерон перешел на радикальные антиевропейские позиции, став на путь откровенного оппонирования любым попыткам других государств Евросоюза решить кризис путем совместных усилий в рамках политической логики и правовой практики. Особенно будоражит общественность и внешних партнеров страны решение о проведении общегосударственного референдума по вопросам сохранения членства Великобритании в ЕС и подписания соглашения с объединением на новых условиях. Референдум должен состояться, согласно планам Д. Кэмерона, не раньше 2017 года в случае успеха его партии на парламентских выборах 2015 года. Попытка отгородиться от решения общеевропейских проблем в условиях кризиса, требования привилегированного статуса для страны вопреки подписанным предыдущими правительствами базовым договорам ЕС и тактика шантажа в отношениях с Брюсселем ставит страну на путь конфликта с европейскими партнерами, международного изоляционизма, следствием чего уже сегодня является значительная потеря доверия к Великобритании. Ослабление позиций и непрогнозируемый характер участия Великобритании в европейской политике ведет к снижению привлекательности страны в глазах американских политических кругов. Руководство США выражает обеспокоенность и оказывает дипломатическое давление на британское правительство в связи с обострением отношений страны с ЕС и настаивает на отказе от планов референдума. Как заявил Б. Обама, Америка как никогда заинтересована в «сильной Британии в сильном Европейском Союзе» [8].

Соединенные Штаты все больше заинтересованы в усилении самодостаточности ЕС относительно обеспечения его же безопасности. Правительство Великобритании взяло курс на развитие двусторонних военно-политических отношений с другими ведущими странами ЕС. Наиболее масштабно такое сотрудничество осуществляется с Францией, ведь именно на эти два де-факто монопольных государства в сфере безопасности и обороны в Европе приходится 50% финансирования ОПБО [2, р. 1312]. В то же время имеется функциональный парадокс. Британское правительство остается активным участником процесса формирования общей позиции ЕС на международной арене и часто выступает от имени Евросоюза по разным вопросам международной политики, но одной из сфер целесообразного сокращения расходов ЕС считает именно ОВПБ. В частности, оно поставило вопрос о целесообразности финансирования Европейского Оборонного Агентства и в очередной раз наложило вето на создание постоянно действующей Оперативной штаб-квартиры ЕС. На саммите ЕС в Брюсселе 20 ноября 2013 года Д. Кэмерон заявил, что Лондон заблокирует любые инициативы по созданию объединенных вооруженных сил Евросоюза. Фактически премьер-министр дал понять, что рассчитывать на активную позицию Великобритании в вопросах развития европейских оборонных структур по крайней мере до времени парламентских выборов не приходится.

В итоге можем констатировать, что историческая дихотомия во внешней политике Великобритании вынуждала все ее правительства со второй половины XX ст. более или менее успешно балансировать между европейским и американским направлениями. Америко-британские отношения являются главным фактором европейской политики Великобритании в сфере

безопасности, проблемой и противоречием, поскольку они ее всегда одновременно стимулировали и сдерживали. Изменение экзогенного контекста американско-британских отношений на рубеже XX–XXI веков привело к изменению их заданий, среди которых главным является сохранение единства Запада в условиях трансформаций в системе международных отношений и развития международного политического влияния ЕС. Поэтому дихотомия США - ЕС во внешней политике Великобритании остается естественной и неминуемой. Наблюдается объективное уменьшение роли американско-британских стратегических или «особых» отношений для обеих стран, в первую очередь для США, которые в условиях полиполярности американской внешней политики, усиления британского изоляционизма и отстранения от решения ключевых проблем ЕС уже не считают их такими «особенными».

Логика развития международных отношений диктует необходимость постепенного, но решительного пересмотра стереотипов внешней политики Великобритании на европейском направлении, следствием которого должны стать не ситуативно-тактические популистские шаги в стиле Т. Блэра, а способность реально возглавить объединительные процессы европейских государств и институций путем выдвижения стратегических предложений комплексного развития ОВПБ, тем более, что именно Великобритания имеет для этого все необходимые ресурсы. Это не просто отвечает ее исторической атлантической миссии, традициям реализма во внешней политике, согласуется с интересами союзнических отношений с США, но и остается действенным политическим рецептом, который позволит повысить влияние и престиж страны в мировых международных процессах. В современных условиях уменьшилось значение США как такого союзника,

который имеет собственные многочисленные внутренние и внешние проблемы и интересы, часто далекие от европейских, а ЕС такого статуса еще не достиг.

Стратегические интересы США все больше смещаются за пределы Европы, что усиливает зависимость Великобритании от европейского центра международного влияния. Однако внешняя политика правительства Д. Кэмерона подтверждает противоположное - неспособность или нежелание Великобритании взять на себя ответственность за развитие региональной интеграции в условиях кризиса в угоду преимущественно политическим краткосрочным интересам. США готовы предоставить беспрецедентное содействие автономному развитию европейских военно-политических ресурсов, особенно в условиях нарастающего противостояния с Россией. Америко-британские отношения могут впервые стать стимулом реального углубления европейской интеграции Великобритании, которая как потенциально наиболее достоверный лидер ЕС в сфере внешней политики, безопасности и обороны может опять занять место в эпицентре обновленного трансатлантического поля безопасности.

Список использованных источников

1. Минаев М.В. Америко-британские отношения в начале XXI века: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. полит. наук: спец. 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений и глобального развития». - М., 2008. - 20 с.
2. Biscop S. The UK and European defence: leading or leaving // *International Affairs*. - Oxford: The Royal Institute of International Affairs, 2012. - No 88:6. - P. 1297-1313.
3. Childs N. Past, Present, and Future Foreign Policy: The British Perspective / *US-UK Relations at The Start of The 21st Century* // Edited by Jeffrey D. McCausland, Douglas T. Stuart.

Carlisle: Strategic Studies Institute United States Army War College, January 2006. - Chapter 9. - P. 125-134.

4. Cooper R. Britain and Europe // International Affairs. Oxford: The Royal Institute of International Affairs, 2012. - No 88:6. - P. 1191-1203.

5. Cyr I. Arthur. Britain, Europe and the United States: Change and Continuity // International Affairs. Oxford: The Royal Institute of International Affairs, 2012. - No 88:6. - P. 1315-1330.

6. Dumbrell J. A Special Relationship. Anglo-American Relations From the Cold War to Iraq. - 2nd edition. - New York: Palgrave Macmillan, 2006. - 318 p.

7. Guzelyte S. National Defence Data 2011. Brussels: EDA participating Member States, September 2013. - 44 p.

8. Harris R., Phil D. Britain and Europe: Where America's Interests Really Lie / The Heritage Foundation. Special Report No 131 on Europe. - 2013. - April 29 [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.heritage.org/research/reports/2013/04/britain-and-europe-where-americas-interests-really-lie> (дата обращения: 10.12.2013).

9. Prime Minister article in Wall St Journal: UK-US relations. Tuesday 20 July 2010 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.number10.gov.uk/news/statements-and-articles/2010/07/pm-article-in-wall-st-journal-uk-us-relations-53633>

10. Raymond R. The U.S. - U.K. Special Relationship in Historical Context: Lessons of the Past / US-UK Relations at The Start of The 21st Century // Edited by Jeffrey D. McCausland, Douglas T. Stuart. Carlisle: Strategic Studies Institute United States Army War College, January 2006. - Chapter 1. - P. 1-15.

11. Watt N. UK-US Special Relationship in Danger, Warns Philip Hammond // The Guardian. - 2013. - 30 August.

І. Є. Підберезних

кандидат історичних наук, доцент кафедри всесвітньої історії, Чорноморський державний університет імені Петра Могили

РЕГІОНАЛЬНА ПОЛІТИКА США ТА ГЛОБАЛЬНІ ПРІОРИТЕТИ ПІВДЕННО-СХІДНОЇ АЗІЇ

Актуальність цієї проблеми полягає в тому, що протягом усієї історії відносин США і Південно-Східної Азії (ПСА) ці два регіони співпрацювали в політичному, економічному, торговельному напрямках, і залишалися один для одного важливим потенціальним партнером у подальшій співпраці.

Стосунки між США і ПСА були неоднозначними. З одного боку, США вбачали в цьому регіоні важливого і прибуткового партнера, який не висував би значних вимог, і тішився би цим політичним і економічним союзом. З іншого ж боку, цей варіант можна назвати надуманим з боку США, адже у цій статті приводиться приклад того, що Південно-Східна Азія являє собою оплот нестабільності як в економіці, політиці так і в торгівлі. Тобто складається враження, що Південно-Східна Азія є регіоном, який не може самостійно розвиватися без втручання більш розвинутої країни і США, власне, вбачають себе у цій ролі, а зовсім не значно ближчу як географічно, так і духовно Японію, чи Китай.

Цей «камінь спотикання» і досі тривожить розум дослідників у сфері міжнародних відносин. І, хоча дана тема була поставлена ще в 2001 році, проте, вона залишається актуальною і досі.

Слід звернути увагу на те, що американське лідерство і цілеспрямовані дії правлячої верхівки в Південно-Східній Азії в критичний період мають допомогти стабілізувати ситуацію у регіоні, що переживає тривожну політичну та економічну турбулентність. За відсутності американського лідерства демократичні держави можуть втратити політичне спрямування, і через це погіршиться економічне становище держав. В інтересах народу США мають вибирати налагоджені стосунки з цим регіоном, та усіяко втручатися у життя країн ПСА. У липні 1997 р. відбувся крах тайландського бату, що викликав передкризове становище, яке погрожувало дестабілізувати світові фінансові ринки, це було страшним нагадуванням про важливість Південно-Східної Азії. Криза Східного Тимору 1999 р. є ще однією трагічною подією, до якої Сполучені Штати не були готові. Мирний процес у Камбоджі 1990-1991-х рр. був прикладом того, як американське керівництво може змінити ситуацію. Першу поїздку президента Буша в Азію на жовтневий саміт лідерів Азійсько-Тихоокеанського Економічного Співробітництва (АТЕС) в Шанхаї, можна сприймати як момент, коли треба було розглянути ситуацію в ПСА. Четверть століття минуло після того, як Сполучені Штати вели війни в Південно-Східній Азії, чії наслідки продовжують формувати ціле покоління. Важливість ПСА була очевидна: це область з майже 525 млн. чоловік, річним ВВП більш ніж 700 мільярдів доларів, що була п'ятим за величиною торговельним партнером США, і регіоном для зростаючого числа країн з демократією на етапі розвитку.

Досвід в цьому регіоні, де американці брали участь у трьох війнах за останні шість десятиліть ілюструє, що ігнорування цієї частини світу несе за собою негативні наслідки. З моменту війни у В'єтнамі – політична ситуація тільки загострюється, і вкрай тяжка. У ряді країн, особливо

Індонезії і Філіппінах, поштовхи до економічної кризи і зростаючої політичної нестабільності продовжують сприяти втраті довіри інвесторів та підриву становища на політичній арені.

Південно-Східна Азія залишається важливою запорукою американської національної безпеки і процвітання. З 1948 р. США визнали небезпеку і обіцяли ПСА регіональну стабільність, вільну від панування будь-якої держави - гегемона чи коаліції. ПСА є частиною мережі спілок та угод доступу, що підтримують базування передових військових сил США, і які мають важливе значення для американської глобальної стратегії. У США також є постійні інтереси щодо вільних критично важливих морських шляхів з відкритим доступом та щодо підтримки зростаючої демократизації в регіоні.

Вартим уваги є політика США щодо ПСА, яка розглядається в якості спеціальної та реактивної. Регіон був потрібен США у стратегічному контексті. Америка повинна була виконувати більш збалансовану, перспективну, і активну регіональну політику. Не своєчасна відповідь США в 1997-1998 рр. на економічну кризу регіону, не раціональне нав'язування «бути, як і ми», настирлива глобалізація і жорсткі вимоги проведення реформи, особливо в Індонезії, викликали незадоволення і опір на лідерство США в більшій частині регіону. Це відбувалося у країнах Азійсько-Тихоокеанського регіону, що надавало регіональній ідентичності та перспектив до зближення країн АСЕАН з Китаєм.

США мали велику зростаючу економічну частку в ПСА з точки зору торгівлі та інвестицій, були провідним трейдером з ПСА, а після Японії, стали другим за величиною регіональним інвестором. Успішна реалізація регіональних зон вільної торгівлі і заохочення прямих іноземних інвестицій, і від США і від інших країн, мали

вирішальне значення для ліквідації бідності у Південно-Східній Азії. Американці сприяють допомагати всім народам створити збалансоване поєднання тарифів, податків, інвестиційних стимулів, навчання та умов трудових ресурсів, необхідних для залучення подальших капіталів. У той же час, вони заохочують екологічно-безпечне довгострокове використання поновлюваних і не відновлюваних ресурсів.

За результатами досліджень, Індонезія, являла собою найгострішу нагальну проблему регіону і залишалася на етапі політичної та економічної нестабільності. Індонезія є четвертою за величиною країною в світі, має найбільшу мусульманську громаду, є членом організації країн - експортерів нафти, і точкою опори АСЕАН. У період після 1997-1998 рр. регіональна фінансова криза і повалення режиму президента Сухарно, сприяли виникненню довгострокових проблем поживлення національної економіки та створення демократичних інститутів. Кожен з них вимагав новий ступінь децентралізованої політичної влади. Економічна нерівність і позбавлення політичних прав також сприяли значним осередкам невдоволення і розповсюджували націоналізм і сепаратизм.

Слід зазначити, демократія зробила важливе досягнення в ПСА, але залишалася крихким експериментом. Таїланд і Філіппіни намагалися прокласти шлях до неї. Ці країни мали більш ніж десятирічний досвід суперечливих виборів, свободи преси і зборів. Недавній успіх Таїланду у Національній комісії боротьби з корупцією в розслідуванні прем'єр-міністра Таксина Чинавата, плавний перехід Філіппінської влади після відставки президента Джозефа Естрада, і конституційний спосіб, яким опозиція прагнула звергнути президента Абдуррахмана Вахіда в Індонезії – все це мало ілюстративний характер. Але не все було так добре, бо

комуністичне спрямування мали В'єтнам та Лаос, тим самим створюючи особливі проблеми у США.

Візит президента Клінтона у листопаді 2000 р. до В'єтнаму визначив потенціал для нових, відроджених американських відносин з В'єтнамом. Дипломатична і економічна нормалізація з цією країною в останні роки заклала основу для розширення економічної та політичної безпеки.

Доречно визначити політичні рекомендації для нової адміністрації США щодо країн Південно-Східної Азії.

По-перше, в сьогоднішній найвищим американським пріоритетом повинна бути підтримка регіональної безпеки шляхом запобігання регіонального конфлікту і панування впливу зовнішньої держави у житті країн. Адміністрація має зберегти надійну військову силу і життєздатне регіональне навчання та підтримку інфраструктури. Безпека у вузькому сенсі залишається неодмінною умовою для регіонального процвітання і зростання. Інші першочергові зусилля повинні включати періодичну переоцінку цілей та створення індивідуальних і малих бірж навчання, таких як Міжнародна військова освіта та підготовка кадрів через програму (наприклад ІМЕТ). Мають бути розширені двосторонні угоди, такі як суднобудування в Сингапурі і кооперування зусиль з Японією по припиненню піратства та контрабанди.

По-друге, слід активізувати та переорієнтувати участь США у ПСА за допомогою всеосяжного, більш еластичного і комплексного підходу до регіону. На рівні Конгресу ця політика повинна забезпечувати щорічні мандрівки політичних діячів Америки до ПСА з метою обговорення нагально-важливих проблем регіону. В органах виконавчої влади, політика повинна санкціонувати кращу координацію процесів спрямованих на поліпшення антикризової політики для повного кола потенційних

регіональних напрямів розвитку. Конгрес і виконавча політика повинні бути засновані на консультації із зацікавленими бізнес-групами і організаціями. Повний контакт і активна дипломатія також вимагає, щоб США і оборонні відомства встановили компетентних працівників дипломатичної служби з метою забезпечення набуття регіонального досвіду.

По-третє, сприяння орієнтованій на ринок економічній реформі, керуванню заходів по боротьбі з бідністю. Регіональні досягнення, такі як здійснення зони вільної торгівлі АСЕАН, нові двосторонні торговельні угоди з В'єтнамом, текстильні торгові квоти - все це передбачає поліпшення умов праці. Вашингтон має сприяти заходам щодо поліпшення інвестиційного клімату, розширення вільної торгівлі товарами та послугами, поліпшенню доступу до кредитів, реалізації земельної реформи і сприянню підприємництва в промисловості та сільському господарстві. Співпраця через поліпшену програму навчання та професійної підготовки підвищить місцеву здатність поглинати переданні технології і краще управляти глобалізацією.

По-четверте, зробити активні кроки для сприяння соціальній стабільності і правопорядку, з метою створення обстановки, яка ліквідувала б сепаратистські та екстремістські настрої в регіоні. Зробити основний внесок в соціальну стабільність в Індонезії завдяки програмам для етнічного та релігійного вирішення конфліктів, для ефективного управління і зміцнення суспільства, подолання транснаціональних проблем, таких як морське піратство, контрабанда, торгівля наркотиками, примусова праця, міграція, погіршення стану навколишнього середовища. Припинити залякування Джакарти і зробити все можливе, щоб допомогти стабілізувати індонезійську

демократію та економіку, а також повторно реорганізувати індонезійську армію.

По-п'яте, підтримка США повинна зосередитися на впровадженні реформ, таких як судова реформа та професійна підготовка, визнаючи, що це довгостроковий процес. Економічно сприяти допомозі в обов'язковій фінансовій звітності та прозорості в Міжнародний валютний фонд (МВФ). Координувати зусилля, щоб більш тісно співпрацювати з Японією, зокрема, через вкрай важливе питання реструктуризації приватного боргу. Американське фінансування, навчання та координація з регіональними НУО має важливе значення для успіху в цих зусиллях.

По-шосте, переглянути підхід Конгресу до АСЕАН, важливого координатора безпеки, економічних, політичних і соціальних питань в регіоні. Загострити діалог з АСЕАН, розробити новий порядок денний, зосереджений на конкретних проблемах в галузі безпеки (зокрема, морського піратства, контрабанди, зміцнення довіри і регіонального миротворства, енергетичної співпраці, і лібералізації торгівлі, а також соціальних проблемах (наприклад, СНІД, потоки біженців) і розвитку освітніх та людських ресурсів. Продовжувати підтримувати поширення демократії та верховенства закону в ПСА, але робити це більш реалістично і вправніше.

По-сьоме, акцентувати увагу на контролювання поведінки китайської влади в ПСА та розширення координації з Японією та Австралією. Китайська дипломатія була активною у підвищенні рівня комфорту держав АСЕАН. Поведінка Пекіна повинна контролюватися, і США мають уникати змушування азіатів вибирати між Сполученими Штатами та Китаєм.

Отже, дана оцінка і рекомендації пропонують деякий супровід при русі до більш цілеспрямованих, краще

інтегрованих і більш цінних відносин США з Південно-Східною Азією. США обрали для себе курс все поглиблюючого політичного механізму і незважаючи на такі обставини, як самовизначеність та саморозвиток окремого регіону, що корегується і направляється низкою особистісних факторів вона цілеспрямовано намагається «нав'язати» свій тип управління і спрямування ресурсів. Процес становлення міцних взаємовідносини між США і ПСА є ще досить довготривалою справою, що не вирішується за короткий термін. Американське спрямування до азійських регіонів є цілком виправданим, і сумнівно, що США колись вирішить змінити поставлений перед собою курс. Азія є дуже бажаним партнером, і втратити його було б для США фатальною поразкою у формуванні себе як країни-гегемона. Власне тому дослідження цього питання залишається актуальним для багатьох дослідників.

Список використаних джерел

1. Laura D'Andrea Tyson. M. Diana Helweg Newton. Future Directions for U.S. Economic Policy Toward Japan. – 2000.
2. Steven Rattner. W. Montague Winfield. Promoting Sustainable Economies in the Balkans. – 2000.
3. Richard L. Garwin. W. Montague Winfield. Nonlethal Technologies: Progress and Prospects. – 1999.
4. Morton I. Abramowitz. James T. Laney. Michael J. Green. U.S. Policy Toward North Korea: Next Steps. – 1999.
5. Carla A. Hills. Peter G. Peterson. Morris Goldstein. Safeguarding Prosperity in a Global System: The Future International Financial Architecture. – 1999.
6. Michael Rocard. Henry Siegman. Strengthening Palestinian Public Institutions. – 1999.
7. Zbigniew Brzezinski. F. Stephen Larrabee. U.S. Policy Toward Northeastern Europe. – 1999.

8. Robert D. Blackwill. The Future of Transatlantic Relations. – 1999.
9. Bernard W. Aronson. William D. Rogers. Walter Russell Mead. U.S.-Cuban Relations in the 21st Century. – 1999.
10. Richard N. Haas. Morton H. Halperin. After the Tests: U.S. Policy Toward India and Pakistan. – 1998.
11. Morton I. Abramowitz. James T. Laney. Michael J. Green. Managing Change on the Korean Peninsula. – 1998.
12. Peggy Dulany. Frank Savage. Salih Booker. Promoting U.S. Economic Relations with Africa. – 1998.
13. Henry Siegman. U.S. Middle East Policy and the Peace Process. – 1997.
14. Richard G. Lugar, Victoria Nuland. Russia, Its Neighbors, and an Enlarging NATO. – 1997.

